

**Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Исторический факультет**

***Тверская молодежная археологическая
школа «ПОЛЕ: сезон 2023»***

при поддержке Фонда «История Отечества»

Российского Исторического Общества (договор № 5/2023/ФП-А)

Материалы исследовательских проектов

Электронное издание

Тверь 2023

УДК 93/94

ББК 63.4

Т 30

**Тверская молодежная археологическая школа «ПОЛЕ: сезон 2023»:
материалы исследовательских проектов / сост., ред. Е.В. Лагуткина, А.В.
Лагуткин. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2023. - 85 с.**

В первом разделе сборника представлены итоговые исследовательские проекты участников Тверской молодежной археологической школы «ПОЛЕ: сезон 2023». Проекты содержат материалы, посвященные истории изучения, современному состоянию и археологическим обследованиям курганных могильников Иворовское 1-4, а также предварительным результатам раскопок городища раннего железного века Игутьево. Второй раздел посвящен археологам-преподавателям, работавшим в разные годы на историческом факультете Тверского государственного университета: В.С. Тарасенко, Ю.Н. Урбан, В.М. Воробьев, Ф.Х. Арсланова, П.Д. Малыгин. Участники Школы собрали и подготовили к печати материалы и воспоминания родных, близких, коллег и учеников этих выдающихся ученых и педагогов.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Статьи

Ведехин О., Хотулев Е., Болотов Д., Гребенюк С., Иванова М., Москаленко В., Озерова П., Середова Е., Тарасова А., Усков Н.

История исследований и современное состояние Иворовского (Иверовского) археологического комплекса по данным мониторинга 2023 г. 5

Беляева В., Бойко Н., Болонкина А., Короткова К., Костюков Д., Сергеева Д., Таликова А.

Исследование городища Игутьево в 2023 году 28

Раздел 2. Археологи Тверского госуниверситета в воспоминаниях коллег, родных и близких

Андреева К., Качалов Д., Сергушина К., Скобелев В.

Василий Сергеевич Тарасенко и археология в Калининском государственном педагогическом институте 40

Исмаилов А., Корнеев М., Тупицын А., Фесенко А.

Юрий Николаевич Урбан как археолог и преподаватель 47

Регеда Д., Барабанова К., Бойков Я., Морева В., Расторгуева В., Сафаров Р.

Вячеслав Михайлович Воробьев в воспоминаниях родных, близких и коллег 57

Белякова Н., Беркимбекова М., Саясова С., Сорокина В., Утицких Н.

Петр Дмитриевич Малыгин в воспоминаниях коллег 70

Мамедова Н., Павлов А., Хаспаладов Р., Шатихина Ю.

Фирая Хабибулловна Арсланова: биография, научная деятельность, воспоминания учеников 80

Раздел 1. Статьи

*Ведехин О., Хотулев Е. (1 курс магистратуры),
Болотов Д., Гребенюк С., Иванова М.,
Москаленко В., Озерова П., Середова Е.,
Тарасова А., Усков Н. (1 курс бакалавриата)
Исторический факультет ТвГУ*

**История исследования и современное состояние Иворовского
(Иворовского) археологического комплекса
по данным мониторинга 2023 г.**

Ключевые слова: курганная группа «Иворовское-1», курганная группа «Иворовское-2», курганная группа «Иворовское-3», курганная группа «Иворовское-4», Старицкий район, Тверская область, курганные насыпи, средневековье, мониторинг.

В рамках Тверской молодёжной археологической школы «Поле: сезон 2023» были обследованы археологические памятники эпохи средневековья, находящиеся на территории Старицкого района Тверской области – курганные группы «Иворовское-1», «Иворовское-2», «Иворовское-3», «Иворовское-4», составляющие Иворовский археологический комплекс. Памятники датируются в целом XII – XIII вв. и несут в себе потенциал изучения культурно-исторических традиций, мировоззрения древнерусского населения, особенностей погребального обряда и этнокультурных процессов региона Старицкого Поволжья в начале II тыс. лет до н.э.

Все памятники расположены вблизи шоссе между дд. Пентурово и Иворовское. Географически они приурочены к верховьям реки Огороховица, являющейся левым притоком Волги, в 2,5-2,7 км к северу от нее. Расстояние между памятниками составляет 180-250 м. За исключением «Иворовское-4», представляющей собой компактную плотную группу курганов, в остальных памятниках насыпи расположены группой, вытянутой в линию.

Курганная группа «Иворовское-1» состояла из 42 насыпей. Из них сохранилось только 5. Насыпи №1–4, 10, 13–42 были раскопаны под снос до 1973 г., насыпь №5 содержала грабительскую яму на вершине и на западном склоне, насыпи №6, 8, 9 – грабительские ямы у подошвы северного и северо-восточного склона, насыпь №7 – грабительскую траншею через весь курган с СЗ на ЮВ, насыпь №11 – грабительскую яму на вершине, насыпь №12 видимых повреждений не имела. В 1982 г. при дорожно-строительных работах, вероятно, были засыпаны и завалены деревьями насыпи №11–12[1,6].

Вторая группа погребального комплекса состояла из 5 насыпей. Насыпь №1 содержала грабительскую яму на юго-восточном склоне у подошвы, насыпь №2 – грабительскую траншею от вершины к подошве по западному склону, насыпь №3 – грабительскую насыпь на южном склоне, насыпь №5 видимых повреждений не имела. В 1982 г. при дорожно-строительных работах часть насыпей была засыпана и завалена деревьями [2,7].

Третья группа погребального комплекса состояла из 20 зафиксированных насыпей. Из них сохранилось 18, при этом две были раскопаны Д.А. Крайновым в 1967 г. Насыпи №5–6, 12, 15–16 полусферической формы, насыпи №1–4, 7–11, 13–14, 17–19 сегментовидной формы. Насыпи №5–6, 10, 12, 15–16, 18–19 содержали грабительские ямы на вершинах. Насыпь №4 содержит грабительские ямы, покрывающие большую площадь северо-восточного и юго-западного склонов. Насыпи №11, 13 содержали траншеевидные грабительские ямы на верхушке и верхних частях склонов. Насыпь №17 полностью перерезана грабительской траншеей с З на В [3,8].

Наконец, четвертая группа погребального комплекса находится несколько в стороне от шоссе, на оконечности песчаной дюны, идущей вдоль оврага. Группа состояла из 28 зафиксированных полусферических и сегментовидных насыпей. Насыпь №9 содержала грабительскую траншею

от вершины до подошвы по северо-восточному склону и грабительскую яму на северо-западном склоне. Насыпь №25 содержала грабительскую округлую яму на вершине. Вокруг насыпей выявлены углубления от ровиков [4,9].

Рассматриваемые курганные группы достаточно давно известны в археологической литературе. Первое упоминание славянского курганного могильника в окрестностях комплекса относится к статистико-информационной сводке В. А. Плетнёва, опубликованной в 1903 г., в которой приводится свидетельство священника с. Иворовское (по всей видимости, М. Г. Орлова) на запросы Академии художеств о нахождении двух курганов в пустоши Сенчаево Иворовской волости, а также сообщение бывшего старицкого городского головы И. М. Веревкина о нахождении группы хорошо сохранившихся курганов близ д. Пентурово [17]. В этом же году членом Тверской учёной Архивной комиссии И. П. Крыловым была исследована неопределённая насыпь [12]. Насыпь состояла из жёлтого песка, была окружена сильно заплывшим рвом, костяк ориентирован на З, вещевой инвентарь отсутствовал. В 1910 г. им же было проведено исследование 4 насыпей, расположенных близ пустоши Сенчаево, в 2 верстах от Иворовского (всего курганов – 34). Насыпь №5 полусферическая, состояла из гумусированной супеси и суглинка, костяк в подкурганной могильной яме ориентирован на З, лицом на Ю, зафиксированы остатки деревянного гробовища/деревянной домовины, вещевой инвентарь отсутствовал. Насыпь №15 была расплывчатой, состояла из гумусированной супеси, костяк располагался на горизонте под каменной выстилкой, ориентирован на З, руки вытянуты вдоль туловища, вещевой инвентарь отсутствовал. Насыпь №19 также была расплывчатой, состояла из гумусированной супеси, костяк располагался на горизонте, ориентирован на З, лицом на Ю, вещевой инвентарь представлен браслетообразными височными кольцами и перстнями из белой оловянистой бронзы. Насыпь №34, расплывчатая, состояла из гумусированной супеси, погребение не

было зафиксировано. Из сведений о работах И.П. Крылова остается не ясно, какие именно курганы были раскопаны в 1910 г., т.к. приводится свидетельство, что одна из насыпей была размыва Волгой, при этом расстояние до нашего комплекса до её берега составляет около 3 км. Вероятно, речь идет о другой курганной группе [5, 10, 14, 15].

В 1956 г. памятник обследовал В. С. Тарасенко, а в 1965 г. – Д. А. Крайнов. В 1967 г. Верхневолжской археологической экспедицией Института Археологии АН СССР под руководством Д. А. Крайнова, Е. Н. Ерофеевой и С. А. Гадзяцкой было исследовано 2 насыпи. Насыпь №4 сопковидная, имела кольцевую обкладку из валунов, на горизонте зафиксировано кострище, погребение №1 представлено уникальным белокаменным саркофагом с двускатной крышей в погребальной могильной яме с выкладкой из 11 плах, досок и известняковых плит (см. Приложение Рис. 1), костяк ориентирован на ЗСЗ, руки на тазе, вещевой инвентарь представлен тленом кожаных кисета и сапог [1, 5, 6]. По предположению П. Д. Малыгина, это захоронение могло принадлежать Ивору Новоторжичу, отчего археологический комплекс представляет собой вотчинный некрополь бояр князя Мстислава Мстиславовича и свидетельствует о более интенсивной христианизации древнерусского сельского населения Верхневолжья, начиная с первой четверти XIII в. [16] Антропологическая реконструкция с обращением к краниологии погребенного была выполнена Г. В. Лебединской в 1971 г. (см. Приложение Рис. 3). Погребение №2 представлено костяком в могильной яме, ориентированным на З, правая рука на груди, левая вытянутая, зафиксированы остатки бересты от деревянного гробовища, вещевой инвентарь отсутствовал. Насыпь №10 сегментовидная, имела каменную обкладку, на горизонте зафиксировано кострище, костяк в подкурганной могильной яме ориентирован на З, зафиксированы остатки деревянного гробовища, вещевой инвентарь отсутствовал [1, 5, 6].

В августе 1973 г. славянским отрядом Верхневолжской

археологической экспедицией Института Археологии АН СССР под руководством К. И. Комарова и Д. А. Крайнова было исследовано 3 насыпи, а также в перечень работ вошли схематические обмеры, глазомерная съёмка и фотофиксация памятника Г. В. Харитоновым. Насыпь №1 сегментовидная, с белокаменным крестом с обработанным основанием-креплением на вершине, в могильной яме деревянная колода, костяк ориентирован на З, руки на тазу, вещевой инвентарь представлен фрагментом шелковой ленты с золотыми, серебряными нитями и мелким речным жемчугом, с арочными поясными изображениями 7 святых общей деисусной композиции (см. Приложение 2), перстнеобразными кольцами с сомкнутыми концами из серебра, решетчатым и плетеным перстнем из белой оловянистой бронзы, фрагментами кожаной обуви [1, 5, 6]. По технике изготовления лицевого и золотного шитья «в прокол» и ближайшим аналогиям на территории Верхневолжья и сопредельных землях, подобные ленты датируются XII в. [5, 13]. Насыпь №2 была сопковидная, с кольцевой обкладкой камнями, с расположенным на вершине валунным камнем, костяк ориентирован на З, руки вытянуты, вещевой инвентарь представлен развалом гончарного сосуда XIII–XIV в., происходящим из ровика. Насыпь №3 сегментовидная, с развалом известняковых камней от креста, идентичного с насыпи №1, имела кольцевую обкладку из валунов, на горизонте зафиксировано кострище, погребение №1 представлено костяком в могильной яме со следами берестяного коробовидного гробовища, ориентированным по линии З-В, вещевой инвентарь отсутствует. Погребение №2 представлено костяком, ориентированным на З, вещевой инвентарь представлен серебряными перстнеобразными височными кольцами и ожерельем из меди, пастовых малых подвесок и 7 бусин разных типов из тёмного стекла, витыми и ложновитыми перстнями из белой оловянистой бронзы. В 1982 г. памятник обследовал И. Н. Черных, отметив нанесённый вред территории при дорожно-строительных работах [1, 5, 6].

Первое упоминание курганного могильника «Иворовское-2»

относится к результатам работ Верхневолжской археологической экспедиции Института Археологии АН СССР под руководством Д. А. Крайнова в 1965 г. Более детальное обследование славянским отрядом этой же последующей экспедиции относится к августу 1973 г. под руководством К. И. Комарова и Д. А. Крайнова. В перечень выполненных работ вошли схематические обмеры, глазомерная съёмка и фотофиксация памятника Г. В. Харитоновым. В 1982 г. памятник обследовал И. Н. Черных [2, 7]. Раскопок не проводилось.

Первое упоминание славянского курганного могильника «Иворовское–3» в контексте комплекса, как одной из трёх групп насыпей, располагающихся вдоль дороги от с. Барыково в с. Иворовское, относится к 1884–1890 гг. В 1956 г. памятник обследовал В. С. Тарасенко, в 1965 г. – Д. А. Крайнов [3, 8, 17].

В 1967 г. Верхневолжской археологической экспедицией Института Археологии АН СССР под руководством Д. А. Крайнова, Е. Н. Ерофеевой и О. С. Гадзяцкой было исследовано 2 насыпи. Насыпь №1 имела вокруг основания ровики и кольцевую обкладку из крупных камней, на горизонте зафиксировано кострище, погребение в могильной яме с остатками древесного тлена, луба и бересты от гробовища, костяк ориентирован на СЗ, вещевой инвентарь отсутствует. Насыпь №2 сегментовидная, имела вокруг основания ровики и кольцевую обкладку из крупных камней, погребение в могильной яме, вещевой инвентарь отсутствует. На примыкающем с ЮЗ поле собран подъёмный материал, представленный керамическим комплексом древнерусского периода, что свидетельствует о невыявленном, связанном с курганной группой, селище. В августе 1973 г. славянским отрядом Верхневолжской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством К. И. Комарова и Д. А. Крайнова на памятнике были совершены схематические обмеры, глазомерная съёмка и фотофиксация памятника Г. В. Харитоновым [3, 5, 8].

Первое упоминание курганного могильника «Иворовское–4» в

контексте комплекса относится к 1884–1890 гг. [17]. Официальное открытие, подробное первое обследование и раскопки относятся к результатам работ славянского отряда Верхневолжской археологической экспедиции Института Археологии АН СССР под руководством К. И. Комарова и Д. А. Крайнова в августе 1973 г. Было исследовано 3 насыпи [4, 9]. Насыпь №8 сегментовидная, парное погребение на горизонте. Погребение №1 мужское, костяк ориентирован на З, вещевой инвентарь представлен железным ножом. Погребение №2 женское, костяк ориентирован на З, вещевой инвентарь представлен обломками у висков двух перстнеобразных проволочных височных колец, в зоне груди – ожерельем из двух литых лунничных подвесок, круглой массивной литой подвески из белой оловянистой бронзы и пастовых бусин. В насыпях №21, №24 обнаружено одиночное и парное, мужские и женские захоронения в могильных ямах, костяки ориентированы на ЗСЗ, вещевой инвентарь представлен обломками браслетообразного височного кольца и обломком спиральной привески плоского дрота из белой оловянистой бронзы. Упоминаются в том числе раскопки насыпи №28. В перечень выполненных работ также вошли схематические обмеры, глазомерная съёмка, которая отличается от настоящего расположения насыпей, и фотофиксация памятника Г. В. Харитоновым. В 1982 г. памятник обследовал И. Н. Черных [4, 5, 9].

После масштабных исследований конца 60-х – начала 70 гг. XX в. курганные группы Иворовского археологического комплекса не исследовались. Вместе с тем, с 1980-х гг. по 2010-е гг. курганные группы входили в перечень пунктов мониторинга студентами Калининского (Тверского) государственного университета, проходящими археологическую практику. Проводился их осмотр, фиксировались новые разрушения.

В июне 2023 г. слушателями Тверской молодежной археологической школы «Поле: сезон 2023» был проведён мониторинг археологического комплекса. Целью являлось оценка современного состояния сохранившихся

насыпей, около- и межкурганного пространства могильника. Осмотр курганных могильников позволил выявить и зафиксировать новые повреждения.

В первой группе насыпь №9 на вершине имеет незафиксированную ранее округлую заплывшую грабительскую яму глубиной до 0,30 м. Насыпи №6–7 остались без изменений с 1982 г. Насыпь №8 на вершине имеет незафиксированную подпрямоугольную полузаплывшую грабительскую яму глубиной до 0,50 м. По-видимому, из-за дорожных работ была засыпана ЮВ часть околокурганного пространства. Подъёмного материала не было обнаружено. Следует также отметить, что археологические раскопки 60-70-х гг. XX в. проводились без рекультивации, поэтому незасыпанные погребальные площадки и могильные ямы фиксируются до сих пор (см. Приложение Рис. 4-7).

На территории второй группы выявлено недавнее значительное повреждение памятника тяжёлой техники, по всей видимости, при проведении газификации. Насыпь №1 уничтожена практически полностью. Сохранилась лишь часть ее северной полы, возможно, уничтожена и могильная яма. У полусферической насыпи №2 уничтожена северо-западная часть до полы объёмом в 1/2 объекта с возможностью уничтожения могильной ямы. У полусферической насыпи №3 уничтожена северо-западная часть до полы объёмом в 1/3 объекта. Полусферические насыпи №4–5 не попали в зону траншеи газопровода, но значительно повреждена их периферия (см. Приложение Рис. 8-12). Помимо самих насыпей, ущерб был нанесен центральной и северной части около- и межкурганного пространства могильника. Подъёмного материала, а также валунов, которые могли бы свидетельствовать о каменной обкладке, не было обнаружено.

В третьей группе насыпь №7,8,9 на вершинах имеет незафиксированные ранее подпрямоугольные полузаплывшие грабительские ямы, размываемые дождём, глубиной от 0,50 до 1,2 м. Насыпь №12 имеет следы точного поиска с металлоискателем на Ю склоне

и природное разрушение в СВ части подошвы – корни упавшего дерева вывернули несколько валунов, по всей видимости, из кольцевой обкладки (см. Приложение Рис. 13–18). Насыпи №4–6, 10–11, 13–19 остались без изменений с 1982 г.

В четвёртой группе курганов не зафиксированы новые грабительские ямы или природные разрушения насыпей (см. Приложение Рис. 19).

Итого с 1903 по 2022 гг. в Иворовском археологическом комплексе из 95 насыпей были раскопаны без соблюдения методики 30 насыпей (29 в первой группе и 1 в четвёртой), исследованы при раскопках 14 насыпей (9 в первой группе, 2 в третьей, 3 в четвертой) с 18 погребениями, уничтожены под воздействием антропогенного фактора во второй группе 3 насыпи. Для дальнейших исследований на территории комплекса доступны 49 зафиксированных насыпей.

В целом погребальный обряд комплекса представлен одиночным труположением в подкурганной могильной яме (реже – на уровне горизонта), с выжженными погребальными площадками, представленными кострищами мощностью от 1 до 5 см на месте возведения насыпи. Присутствуют впускные погребения, свидетельствующие о существовании здесь обряда подзахоронения. Ориентация погребений преобладает З и СЗ. В сочетании с частыми безинвентарными погребениями и находками крестов на вершинах насыпи, к верхней хронологической границе функционирования некрополя следует отнести первую половину XIII в. Исходя из своеобразия вещевого инвентаря подкурганных погребений, нижней хронологической границей является рубеж конца XI – начала XII в. [19], что соответствует второй по счету в древнерусском периоде интенсивной волне восточнославянского освоения региона. Таким образом, памятник отражает постепенный и продолжительный процесс замены языческих погребальных традиций христианскими, что вписывается в контекст освоения отдельными группами кривичей Верхневолжья, у которых сохранялась двуязычная обрядность вплоть до первой половины

XIII в. [20]. Возможно, при дальнейшем тщательном изучении межкурганного пространства можно выявить наличие грунтовых безинвентарных погребений, преемственно интегрированных в курганные зоны.

Подобные группы распространены, судя по наблюдениям Ю. В. Степановой, на всей территории Верхневолжья, со скоплением в бассейне р. Волги и её средних и мелких притоков на территории Зубцовского, Старицкого и Калининского Поволжья [19]. В планиграфии прослеживается рядный (вдоль дороги) и групповой принцип возведения насыпей, что, по мнению некоторых исследователей, можно было бы отнести к семейным некрополям, а по мнению других – к особенностям ландшафта [18]. Учитывая наблюдаемую геоморфологическую ситуацию на памятниках, более вероятен, с технической точки зрения, второй вариант с несомненным отражением семейно-родственного членения общины. Сопковидность насыпей и кольцевая обкладка валунами в первой и третьей группе помимо конструктивных особенностей может отражать как иерархию погребенных, так и указывать на культурное влияние Новгородской земли, куда входила данная территория, практически примыкающая к западной границе Ростово-Суздальского княжества, проходящей в первой половине XIII в. от Зубцова по Шоше к Медведю [11].

Проведённые работы познакомили слушателей тверской археологической школы «Поле: сезон 2023» с процессом проведения мониторинга археологического памятника и позволили получить первичные профессиональные умения и навыки в виде проведения разведки местности, фотофиксации объектов и сбора источник-историографических данных по объекту культурного наследия. Сами курганные группы и межкурганное пространство, несмотря на продолжающееся разрушение антропогенного и природного характера, остаются перспективным местом для проведения дальнейших археологических исследований и научных изысканий.

Список использованных источников и литературы

1. Иверовское (Иворовское). Курганный могильник 1 // Археологическая карта России. Тверская область / Под ред. А. В. Кашкина. М.: Рос. акад. наук, Ин-т археологии, 2003. Часть 1. С. 369–370.
2. Иверовское (Иворовское). Курганный могильник 2 // Археологическая карта России. Тверская область / Под ред. А. В. Кашкина. М.: Рос. акад. наук, Ин-т археологии, 2003. Часть 1. С. 370.
3. Иверовское (Иворовское). Курганный могильник 3 (Пентуровский) // Археологическая карта России. Тверская область / Под ред. А. В. Кашкина. М.: Рос. акад. наук, Ин-т археологии, 2003. Часть 1. С. 370–371.
4. Иверовское (Иворовское). Курганный могильник 4 // Археологическая карта России. Тверская область / Под ред. А. В. Кашкина. М.: Рос. акад. наук, Ин-т археологии, 2003. Часть 1. С. 371.
5. «Иворовское 1, Иворовское 2, Иворовское 3 (Пентурово), Иворовское 4» // Жукова Е. Н., Степанова Ю. В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. С. 101–104.
6. «Иворовское–1», курганный могильник // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области. Паспорт №1864.
7. «Иворовское–2», курганный могильник // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области. Паспорт №1770.
8. «Иворовское–3», курганный могильник // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области. Паспорт №1771.
9. «Иворовское–4», курганный могильник // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области. Паспорт №1772.

10. Курганы. Пустошь Сенчаево // Крылов И. П. Старица и ее достопримечательности. Старица: тип. И. П. Крылова, 1914. С. 160.

11. Богданов С. В. Новгородско-Суздальский рубеж на Верхней Волге в конце XII – 1-й трети XIII вв. и основание Твери// Тверской археологический сборник. Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 2007. Вып. 6. Т. 2. С. 330–338.

12. Журнал 95 заседания Тверской губернской ученой архивной комиссии (ТУАК) 17 февраля 1904 года (черновой), статьи и сообщения, рассмотренные на заседании. С. 51 // ГАТО. Ф.103. Оп.1. Д. 75. 98 л.

13. Комаров К. И., Елкина А. К. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 226–238.

14. Крылов И. П. Курганы близ с. Иворовского Старицкого уезда // Тверская старина: исторический журнал. Старица: тип. И. П. Крылова, 1912. №5. С. 9.

15. Крылов И. П. Раскопки курганов на пустоши Сенчаево Иверовской волости Старицкого уезда // Тверская старина: ежемесячный исторический журнал. Старица: тип. И. П. Крылова, 1911. №3. С. 11–13.

16. Малыгин П. Д. Из ранней истории распространения христианства на территории Тверской области // Вестник ТвГУ. Серия: «История». Тверь: Тверской гос. ун-тет, 2007. Вып.1. С. 117–133.

17. Плетнев В. А. Старицкий уезд. Пентурово. Иворовское // Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь: типография губернского правления, 1903. С.128.

18. Степанова Ю. В. Планиграфия древнерусских могильников Верхневолжья X–XIII вв. Организация сакрального пространства // Вестник ТвГУ. Серия: «История». Тверь: Тверской гос. ун-тет, 2015. №4. С. 37–53.

19. Степанова Ю. В. Хронология древнерусских погребальных комплексов Верхневолжья // Краткие сообщения ИА РАН. М.: Языки

славянской культуры, 2010. Вып. 224. С. 285–296.

20. Шмидт Е. А. О некоторых особенностях курганных погребений XI–XIII вв. в земле смоленских кривичей // Новое в археологии. М.: изд.-во Московского ун-та, 1972. С. 145–151.

ПРИЛОЖЕНИЕ

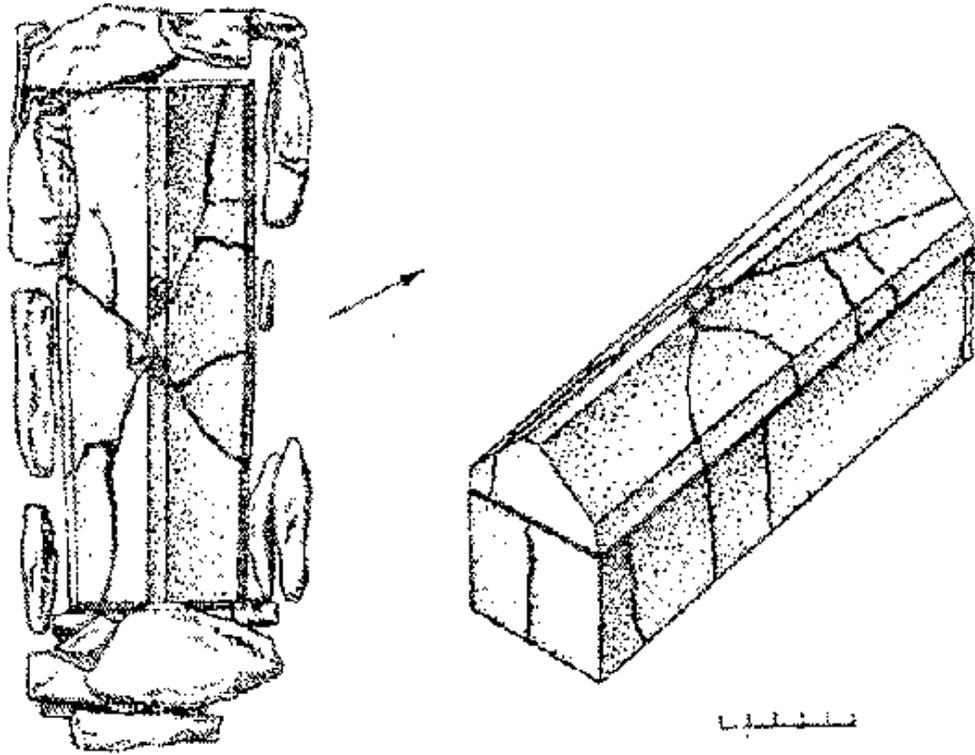

Рис. 1. Прорисовка белокаменного саркофага с двускатной крышей и обкладкой известняковыми плитами из погребения №1 насыпи №4 курганной группы «Иворовское-1» [13]

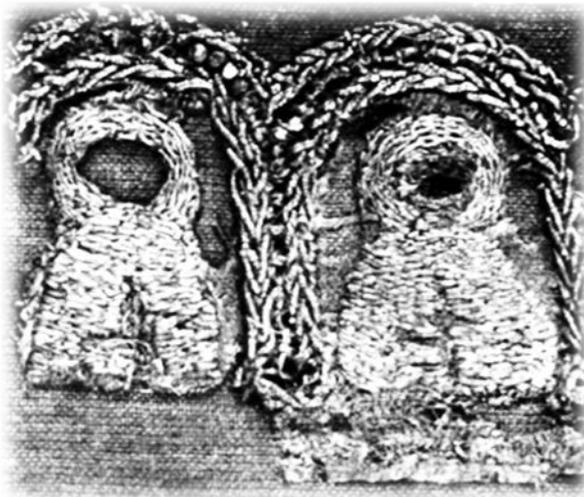

Рис. 2. Фрагмент фотографии сохранившейся части деисусной композиции ленты из погребения насыпи №1 курганной группы «Иворовское-1» и её реконструкция [5, 13]

Рис. 3. Антропологическая реконструкция погребенного из погребения №1 насыпи №4 курганной группы «Иворовское-1». Реконструкция Г. В. Лебединской, 1971.

Рис. 4. Разрушение насыпи №8 курганной группы «Иворовское-1».
Вид с СВ.

Рис. 5. Разрушение насыпи №9 курганной группы «Иворовское-1».
Вид с Ю.

Рис. 6. Остатки нерекультивированной при раскопках 1973 г. могильной ямы кургана №2 курганной группы «Иворовское-1». Вид с СЗ.

Рис. 7. Валуну кольцевой обкладки в выбросах раскопанной в 1973 г. насыпи №2 курганной группы «Иворовское-1». Вид с С.

Рис. 8. Уничтоженная насыпь №1 курганной группы «Иворовское-2». Вид с 3.

Рис. 9. Повреждённая насыпь №2 курганной группы «Иворовское-2». Вид с СЗ.

Рис. 10. Повреждённая насыпь №3 курганной группы «Иворовское-2». Вид с СЗ.

Рис. 11. Повреждённая насыпь №4 курганной группы «Иворовское-2». Вид с СЗ.

Рис. 12. Повреждённая насыпь №5 курганной группы «Иворовское-2». Вид с СЗ.

Рис. 13. Разрушение в насыпи №7 курганной группы «Иворовское-3». Вид с Ю.

Рис. 14. Валуньы кольцевой обкладки насыпи №7 курганной группы «Иворовское-3». Вид с ЮВ.

Рис. 15. Разрушение в насыпи №8 курганной группы «Иворовское-3». Вид с ЮВ.

Рис. 16. Разрушение в насыпи №9 курганной группы «Ивовское-3». Вид с З.

Рис. 17. Разрушение в насыпи №12 курганной группы «Ивовское-3». Вид с Ю.

Рис. 18. Природное разрушение подошвы насыпи №12 курганной группы «Ивовское-3». Вид с В.

Рис. 19. Общий вид курганной группы «Ивовское-4». Вид с СЗ.

*Беляева В. (сотрудник УН-лаборатории
по археологии ТвГУ), Бойко Н.,
Болонкина А., Короткова К., Костюков Д.,
Сергеева Д., Таликова А. (1 курс бакалавриата)
Исторический факультет ТвГУ*

Исследование городища Игутьево в 2023 году

Ключевые слова: *городище, дьяковская культура, памятник, археологический объект, Игутьево, Старицкий район, Тверская область, шурф, археологические раскопки, лепная керамика.*

Археологический памятник городище Игутьево расположен на территории Старицкого района Тверской области и датируется VIII/VII вв. до н.э. – VI-VII вв. н.э. Городище представляет собой остатки древнего укрепленного поселения людей эпохи раннего железного века и относится к дьяковской археологической культуре.

Объект находится на вершине моренного холма, расположенного на берегу реки Улюсть, которая является левым притоком р. Волги, на дороге между д. Игутьево и д. Броды. Городище мысовое, располагается на первой надпойменной террасе и значительно возвышается над местностью. Вертикальная высота склонов памятника достигает 5 метров. С западной стороны, в 30 м от подошвы городища, протекает река Улюсть, с южной и западной стороны археологического объекта проходит дорога, с севера и востока простирается бывшее пахотное поле, заросшее мелколесьем. Площадка городища имеет подпрямоугольную форму, а её размеры составляют 60х47 м.

Историографию исследований памятника можно условно разделить на четыре этапа – по числу археологических экспедиций.

Первое исследование памятника состоялась в начале XX века, в 1903 году: Н.Е. Макаренко обследовал городище в ходе разведки по верхнему

течению р. Волги. Городище, по его мнению, правильной овальной формы 30x21 саж., высотой около 2-х саж. Вал и ров отмечены исследователем только с северной стороны, площадка городища ровная горизонтальная, за исключением нескольких «рытвин», сделанных, возможно, кладоискателями [1. С. 92-93].

Второй раз городище было исследовано в 1975 г. экспедицией Калининского государственного университета, возглавляемой младшим научным сотрудником Г.В. Харитоновым. Городище Игутьево необходимо было внести в реестр памятников государственной охраны.

В ходе исследования был выполнен глазомерный топографический план археологического объекта, собран подъёмный материал и составлен паспорт памятника. Стратиграфия памятника выглядела следующим образом: дерн – 10 см; чёрная супесь – 60-70 см; крупнозернистый песок с галькой. В культурном слое памятника было несколько фрагментов лепной керамики баночной формы, гладкостенной и с сетчатой орнаментацией, с насечками по краю венчика; нож на грубом ножевидном кремневом сколе с желваками; костяное орудие труда наподобие проколки; спиленная трубчатая кость; куски глиняной обмазки; большое количество остеологических остатков и пережжённых камней. Отмечено также, что южная оконечность городища разрушена карьером, других разрушений не выявлено. В паспорте памятника указано, что площадка городища имела прекрасную сохранность и была весьма перспективной для раскопок. Памятник был отнесен к типу городищ, датирован ранним железным веком [См. 2. С. 96; 3. С. 371; 4.]. После 1975 г. обследований памятника долгое время не производилось, исследования на нем не велись, также отсутствует инструментальный топоплан.

Следующие археологические работы на памятнике состоялись в июле 2019 года в составе экспедиции Тверского государственного университета, в рамках проекта Тверской молодежной археологической школы «ПОЛЕ», под руководством держателя Открытого листа А.В. Лагуткина, старшего

преподавателя кафедры всеобщей истории ТвГУ.

В результате первичного обследования памятника было выявлено 25 грабительских ям различной площади и времени появления. Согласно сведениям, полученным от местных жителей, некоторые из них были выкопаны весной 2019 года. Все разрушения были зафиксированы фотографически, измерены, нанесены на инструментальный топоплан. Отвалы всех «свежих» разрушений были просмотрены вручную, а также с помощью металлодетектора, собран подъемный материал, после чего разрушения были рекультивированы.

На городище был заложен шурф площадью 2х2 м, ориентированный по сторонам света, а также выполнен инструментальный топографический план памятника.

Изучение шурфа производилось по пластам мощностью 10 см. Всего было изучено 5 пластов. Основной слой городища – черная супесь, содержащий индивидуальные находки и керамику, относящуюся к раннему железному веку, к т.н. «дьяковской» культуре. Среди находок в шурфе и в подъемном материале следует отметить железную булавку со спиралевидным навершием, распространенную на памятниках Верхней Волги в слоях конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э., фрагмент бронзовой конической привески, вероятно, того же времени, фрагменты железных ножей. Большую часть керамики (всего около 500 фр.), по-видимому, следует отнести к периоду I тыс. до н.э. (с учетом значительного процента сетчатой и штрихованной посуды и преобладанием орнамента в виде гребенчатого штампа). Анализ остеологического материала показал, что население городища в раннем железном веке вело комплексную хозяйственную деятельность, сочетая скотоводство с охотой [См.: 5; 6].

Вследствие активизации «чёрных археологов», с целью изучения и сохранения памятника на городище Игутьево в 2023 году были проведены раскопки экспедицией Тверского госуниверситета в рамках проекта археологической школы «ПОЛЕ», под руководством держателя Открытого

листа А. В. Лагуткина, старшего преподавателя кафедры всеобщей истории ТвГУ. В восточной части городища, в направлении север-юг был заложен раскоп размером 40 кв. м, в свою очередь, разбитый на квадраты 2x2 м. По направлению запад-восток была сделана бровка шириной 60 см, проходящая по квадратам № 2, 4, 8 (Рис. 1-2).

Раскоп изучался по слоям и пластам мощностью 10 см. В общей сложности было снято восемь пластов слоя черной супеси. В верхнем слое дёрна уже были обнаружены фрагменты керамики, угля, а также вкрапления рыжего и жёлтого песка и камней. В первом и втором пластах культурных слоев был полностью образован чёрно-серой супесью. Начиная с третьего пласта на части квадратов начал появляться рыжий песок с вкраплениями гальки и других камней, которые пропали после снятия четвертого пласта. В квадратах № 1, 2, 5, 6 было найдено большое количество костей животных и фрагментов лепной керамики дьяковской культуры. Наибольшее количество находок происходит из пластов 2-6.

В раскопе были обнаружены более 40 индивидуальных находок. Большинство из них составляли кремневые орудия, самыми распространёнными среди которых были скребки, скобели, а также отщепы и один фрагмент наконечника копья (Рис. 4-5). Наиболее примечательные из индивидуальных находок: металлическая булавка, найденная в пласте 5; бусина из бронзы в пласте 2 (Рис. 6); фрагмент биметаллической булавки (заколки для одежды) с ажурным листовидным навершием в пласте 4 (Рис. 8). Данный предмет является для региона Тверского Поволжья импортом с территории Верхнего Поочья и характерен для верхнеокской культуры в IV-II вв. до н.э. Также найден грузик «дьякова типа» в пласте 1 чёрной супеси (Рис. 9). Среди индивидуальных находок так же стоит отметить изделия из кости: проколки, кочедык, рукоять для ножа, гарпун (Рис. 7). Среди массовых находок выделяются фрагменты лепной керамики с сетчатым орнаментом и многочисленный остеологический материал.

Костные остатки предварительно принадлежат как домашним (КРС,

МРС, лошадь, свинья) так и диким видам животных (лось, косуля, бобр, куница, заяц). Насыщенность слоя чёрно-серой супеси с вкраплениями угля остеологическим материалом велика особенно в кв. 1,2,4,5. Приблизительное количество фрагментов около 800. Фрагментированность костей высокая (целые фрагменты только костей мелких животных), сохранность хорошая. Большинство материала имеют следы погрызов мелких грызунов и собак, а также следы разрубов, надрезов, расколов. Предварительно можно заметить, что, несмотря на преобладание домашних животных, большой процент занимают кости диких животных.

Кроме находок, интерес представляют выявленные в раскопе следы укреплений по краю городища. Удалось установить, что вдоль края площадки городища был насыпан вал из песка, крупной и мелкой гальки и камней разной величины высотой около 1 м, представляющий собой клинообразную в сечении конструкцию. Интересно, что основание данного вала представляет собой углубление (ров) с остатками сгоревших деревянных плах (вероятно, от частокола). Данные наблюдения носят предварительный характер – камеральная обработка индивидуальных находок, массового керамического и остеологического материала, а также анализ стратиграфии и планиграфии раскопа только начались. После полевого этапа раскоп был рекультивирован (Рис. 11).

Список использованных источников и литературы

1. Макаренко Н.Е. Поездка по верхнему течению реки Волги // Известия Императорской археологической комиссии. 1904. Вып.6.
2. Харитонов Г.В. Разведочные работы в бассейне Верхней Волги // Археологические открытия. 1975. М., 1976.
3. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 1. М., 2003.
4. Городище «Городня» Игутьево. Паспорт памятника истории и культуры // Архив Главного управления по гос. охране объектов культурного наследия Тверской области.
5. Лагуткин А.В., Лагуткина Е.В., Свирин К.М. Работы Тверского государственного университета в г. Твери и Тверской области // Археологические открытия 2019 годов. М.: Институт археологии РАН, 2021. С. 75-76.
6. Богданов В., Краснова И., Цветкова Ю., Васильева А., Афанасьева П. Археологическое исследование городища Игутьево // Тверская молодёжная археологическая школа «ПОЛЕ: второй сезон»: материалы исследовательских проектов / сост., ред. Е.В. Лагуткина, А.В. Лагуткин. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. С. 4-8.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Рис. 1-2. Общие
виды раскопа
2023 г.**

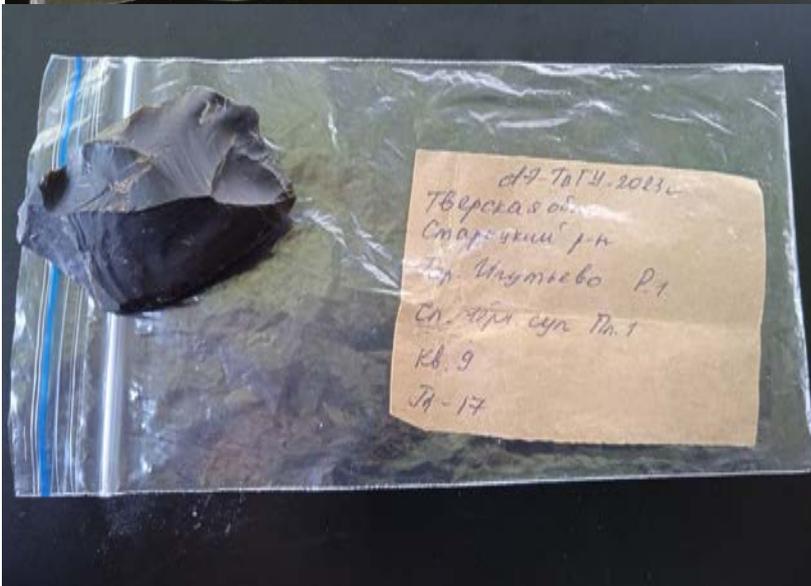

Рис. 3.
Просеивание и
просмотр
культурного
слоя

Рис. 4-5.
Кремневые
орудия

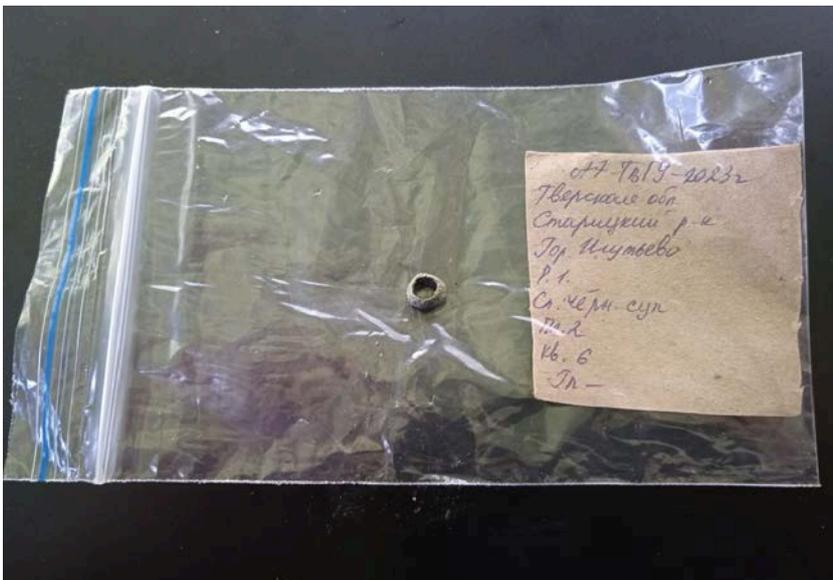
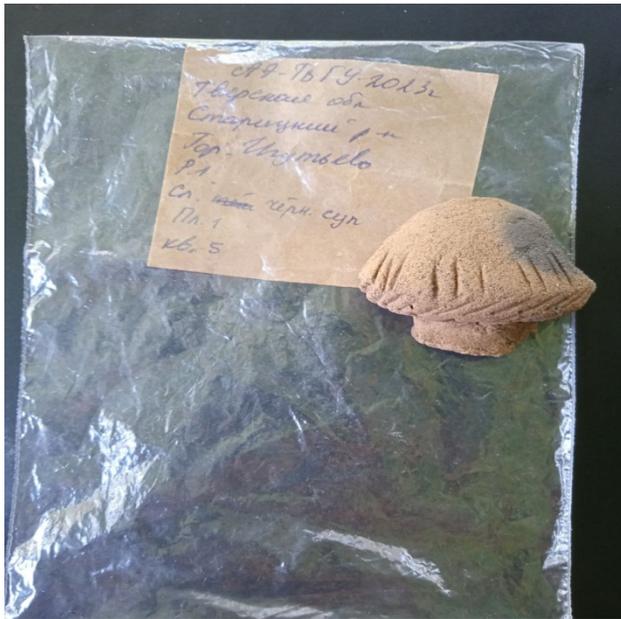

Рис. 6.
Бронзовая
бусина

Рис. 7. Костяной
гарпун

Рис. 8. Булавка
бронзовая с
ажурным
листовидным
навершием

**Рис. 9. Грузик
«Дьякова типа»**

Рис. 10. Стратиграфия бровки раскопа

Рис. 11. Общий вид раскопа после рекультивации

**Раздел 2. Археологи
Тверского госуниверситета
в воспоминаниях
коллег, родных и близких**

*Андреева К., Качалов Д.,
Сергушина К., Скобелев В.*

(1 курс бакалавриата)

Исторический факультет ТвГУ

**Василий Сергеевич Тарасенко (1919 – 1976) и археология
в Калининском государственном педагогическом институте**

Ключевые слова: Василий Сергеевич Тарасенко, преподавательская работа, кафедра всеобщей истории, археология, археологическая экспедиция.

Василий Сергеевич Тарасенко относится к числу тех преподавателей и ученых, которые много сделали для преподавания археологии и становления археологических практик исторического факультета Калининского пединститута (Калининского (Тверского) государственного университета). К сожалению, исследований, посвященных его жизни, педагогической и научной деятельности сохранилось не так много. Это, в первую очередь, очерк, написанный к 90-летию ученого Ириной Геннадиевной Воробьевой, профессором кафедры всеобщей истории ТвГУ [1], а также статья Сергея Николаевича Корсакова, доктора философских наук, ведущего научного сотрудника Института философии РАН [2]. В основном, на материалах этих работ написана данная статья.

Василий Сергеевич Тарасенко родился в 1919 году. В 1941 году окончил Калининский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина по специальности учитель истории. В годы Великой Отечественной войны сражался в действующей армии, участвовал во взятии Берлина, был награжден правительственными наградами «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Василий Сергеевич обучался в аспирантуре у А.С. Башкирова, московского профессора, археолога и специалиста по античной культуре. В 1948 году он

закончил аспирантуру КГПИ, в 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Политическая история Боспорского государства в I в. до н.э. – I в. н.э.». В нашем вузе В.С. Тарасенко занимал следующие должности: в 1948–1951 гг. он являлся старшим преподавателем на кафедре всеобщей истории, с 1951 по 1961 г. – заведующим кафедрой всеобщей истории. После объединения кафедр и открытия одной кафедры истории с декабря 1961 по март 1962 г. – старший преподаватель. В октябре 1963 г. – доцент кафедры истории. С февраля 1967 г. приказом ректора В.В. Комина кафедру истории разделили на кафедры истории СССР и всеобщей истории, и Тарасенко до марта 1972 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории, оставаясь на должности доцента до октября 1975 г. Таким образом, с 1951 по 1972 год (с перерывами) он возглавлял кафедру всеобщей истории. В 1962-1963 гг. являлся исполняющим обязанности проректора по научной работе КГПИ. По свидетельствам С.Н. Корсакова известно, что около года, в 1969 г., В.С. Тарасенко исполнял обязанности декана исторического факультета [2. С. 48].

За свою научную деятельность Василий Сергеевич опубликовал более 33 научных статей. В большинстве своем его научные труды посвящены античной истории. Он был специалистом по политической истории эллинистически-римского периода античности. В его научном наследии можно выделить три направления работ: политическая история государства на примере Боспорского царства, союзы полисов как форма политической жизни в эпоху эллинизма на примере Этолийского и Ахейского союзов, биографии политических деятелей эллинистическо-римской эпохи на основе текстов Полибия и Плиния Младшего.

Подробный анализ научных взглядов В.С. Тарасенко на различные вопросы эллинистической истории приводит в своей статье С.Н. Корсаков. Автор отмечает, что многие свои научные замыслы В.С. Тарасенко реализовать не успел – это исследования по истории и историографии Северного Причерноморья в античности. Но и то, что им было написано и

опубликовано в свое время, заслуживает того, чтобы быть переизданным отдельной книгой [2].

В 1959 году в программу высших учебных заведений был введен курс по археологии СССР. С того же года В.С. Тарасенко начал читать этот курс. По сути, именно он стоял у истоков преподавания этой дисциплины на историческом факультете. Но прививать любовь к археологии среди студентов он начал еще раньше. Как пишет С.Н. Корсаков, в 1956 г. Василий Сергеевич принимал участие со студентами в экспедиции в Угличе, возглавляемой известным советским археологом Д.А. Крайновым [2]. А в сентябре 1956 года под его руководством была составлена разведочная экспедиция, которая провела пешую археологическую разведку от г. Калинина до г. Старицы по обоим берегам Волги с целью выяснения размещения городищ и других археологических памятников по берегам реки в этом районе. По итогам разведки были написаны научный отчет [3], хранящийся в архиве Института археологии РАН, и статья, вышедшая в 1960 г. [4].

Экспедиция обследовала все памятники, встречавшиеся на её пути. Некоторые из них были известны еще с дореволюционных времен, другие не подвергались изучению, поэтому представляли особый интерес (древнерусские курганы, дьяковские городища и др.). Например, в районе с. Броды экспедиция зафиксировала современное на тот момент состояние курганной группы, состоящую из 3 насыпей. При зачистке одного из курганов были обнаружены фрагменты керамики с треугольно-зубчатым штампом [3. Л. 13, 14]. Семь курганов возле д. Горки, также известные ранее, при посещении их В.С. Тарасенко оказались «разрушены траншеями». Кроме курганов, экспедиция обследовала городища раннего железного века. В частности, городище возле д. Горки, по словам В.С. Тарасенко, сильно размывалось весенними водами. В ходе обследования ученым была определена мощность культурного слоя, описаны оборонительные сооружения памятника и найдены фрагменты керамики и костей животных,

подтверждающих его датировку [4. С. 190].

Археологическая разведка показала, что обследованный район богат памятниками, большинство из которых в виде курганных групп и городищ относится к славянским древностям, и лишь некоторые относятся к более древним. Памятники разрушаются разливами р. Волги, и некоторые из них могут быть по прошествии времени полностью уничтожены.

Интересно отметить, что разведочная экспедиция В.С. Тарасенко 1956 г. обследовала и посетила те памятники, которые и далее будут находиться под пристальным изучением ученых Калининского университета. В 70-80-е гг. эти памятники обследовали археологи университета В.М. Воробьев, Г.В. Харитонов, Е.В. Бодунов, А.Д. Максимов. А некоторые из вышеупомянутых археологических объектов станут на долгие годы базовыми для многолетнего изучения и проведения археологических практик студентов-историков (начиная с середины 70-х гг. XX века: это комплекс памятников у с. Избрижье (курганная группа, селище и городище), курганная группа и селище у д. Беседы. Современные археологи, изучающие археологические памятники Калининского и Старицкого Поволжья не обходятся в своей работе без исследований, которые проводил в 50-е гг. В.С. Тарасенко [3; 4; 5].

Также летом 1958 г. В.С. Тарасенко вместе со студентами-историками Калининского пединститута участвовал в экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР по раскопкам Малого Торопецкого городища, а в Конаковском районе изучал поселения, относящиеся к дьяковской культуре раннего железного века [2].

В 1967 г., когда на факультете появился профессиональный археолог Юрий Николаевич Урбан, по словам И.Г. Воробьевой, Василий Сергеевич с радостью передал ему чтение курса археологии и практики, которые с этого времени стали проводиться регулярно [1].

В конце жизни Василий Сергеевич тяжело заболел, в 1975 году вышел на пенсию по инвалидности, а в 1976 г., в возрасте 57 лет, скончался.

Почти вся сознательная и творческая жизнь В.С. Тарасенко прошла в нашем университете. Он прошел путь от студента до заведующего кафедрой. И надо признать, что значительная часть этого пути связана с археологией как теоретической (в преподавании), так и практической (в археологических экспедициях).

Список использованных источников и литературы

1. Воробьева И.Г. К 90-летию Василия Сергеевича Тарасенко // Тверской государственный университет. Исторический факультет. История. URL: [Электронный ресурс] http://history.tversu.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=39%3Аквhistory&id=72%3Атарасенко&Itemid=76 (дата обращения: 10.07.2023).
2. Корсаков С.Н. Вопросы политической истории античности в работах В.С. Тарасенко // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2017. №3. С. 45-59.
3. Тарасенко В.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Волги от г. Калинина до г. Старицы. 1956 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №1232.
4. Тарасенко В.С. Археологическая разведка в бассейне Верхней Волги // Из истории Калининской области. Калинин, 1960. С. 187-191.
5. Тарасенко В.С. Из глубины веков // Из истории Калининской области: Книга для чтения для учащихся VII—X кл. М., 1966. С. 5-8.

Тарасенко Василий Сергеевич

Исмаилов А., Корнеев М.,

Тупицын А., Фесенко А.

(1 курс бакалавриата)

Исторический факультет ТвГУ

Юрий Николаевич Урбан как археолог и преподаватель

Ключевые слова: Юрий Николаевич Урбан, Калининский областной краеведческий музей, археология, каменный век, Калининский государственный университет, преподавание, археологическая экспедиция.

Юрий Николаевич Урбан – археолог и исследователь, музеевед, получивший блестящее образование в Ленинградском университете и в период с 1968 по 1977 гг. преподававший в Тверском университете. Благодаря деятельности исследователя было открыто и изучено множество археологических памятников на территории Верхневолжья. Также, благодаря высокому профессионализму и преподавательскому таланту Юрия Николаевича, им было воспитано целое поколение историков-специалистов, впоследствии составивших «местную» современную тверскую археологическую школу.

Юрий Николаевич Урбан родился 12 ноября 1940 г. в Архангельской области в семье учителей. В 1967 году окончил Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова по специальности историк-археолог. В 1967 г. он был принят на работу в Калининский областной краеведческий музей на должность старшего научного сотрудника. Впоследствии из-за того, что в то время на историческом факультете не было штатного археолога, Ю.Н. Урбан был приглашен на эту должность в 1968 г. Сначала Юрий Николаевич руководил археологической и этнографической практикой, а с 1970 по 1973 гг. читал курсы лекций «Основы археологии» и «Основы этнографии». Наряду с этим, Ю.Н. Урбан читал курс по истории Верхневолжья, а в 1976 г. вышел совместный курс лекций Х. Д. Сориной и

Ю. Н. Урбана «Из истории Верхневолжья», где его перу принадлежат главы, посвященные древнейшему прошлому региона [1].

Одновременно с этим, с 1972 по 1977 гг., Ю.Н. Урбан работал старшим научным сотрудником кафедры истории СССР, на которой возглавил группу археологов по составлению «Свода памятников истории и культуры Калининской области». В результате этой работы были открыты, исследованы и поставлены на охрану сотни археологических памятников Тверской земли. На многих памятниках под руководством Ю.Н. Урбана проводились раскопки. Среди них: стоянки, могильник и селище Иловец I-II (Лесной район), стоянки и курганный могильник у д. Усть-Кеза (Максатихинский район), стоянки и селища вблизи с. Спас-на-Сози (Калининский район), стоянки Барская Лядка 1-2 (Бежецкий район), стоянки и могильник Языково 1-3 (Кашинский район). Всего более 20 памятников от мезолита до средневековья.

В 1977 г. Ю. Н. Урбан прекращает свою работу в КГУ. С 1978 г. и до конца жизни он занимается археологической и музейной работой в Ленинградской области. В 2002 г. Юрий Николаевич скоропостижно скончался. Близкие, родные и коллеги в некрологе отметили вехи его биографии, личные качества и главные профессиональные достижения, а также привели список основных опубликованных научных работ Ю.Н. Урбана [2].

Коллеги, знавшие Юрия Николаевича по работе в Калининском государственном университете, поделились своими воспоминаниями о нем¹.

*Из воспоминаний профессора кафедры всеобщей истории ТвГУ
Ирины Геннадиевны Воробьёвой.*

– **Вы были лично знакомы с Юрием Николаевичем?**

– С Ю.Н. Урбаном я знакома с 1969 года. Когда я училась в средней

¹ В статье использованы материалы интервью, подготовленные выпускницей исторического факультета Тверского госуниверситета А.С. Вериной в 2017-2018 гг. при подготовке выпускной работы бакалавра «Ю.Н. Урбан: вклад в отечественную археологию».

школе, Юрий Николаевич (далее – Ю.Н.), будучи сотрудником Областного краеведческого музея, проводил для школьников экскурсии в музее по археологическому отделу, автором которого он был.

– В каких отношениях состояли ваш супруг, Вячеслав Михайлович Воробьёв, и Юрий Николаевич (дружеские, рабочие)?

– Ю.Н. Урбан преподавал на историческом факультете в качестве преподавателя-почасовика, читал лекции по археологии и этнографии и проводил археологическую практику. Первая археологическая практика, куда были привлечены студенты истфака (краеведческая экспедиция, которая проводилась музеем) проходила в 1968 году (Ю.Н. начала работать с 1967 года). Мой муж, Вячеслав Михайлович Воробьёв, впервые в экспедицию с Урбаном отправился в 1969 году. А я отправилась на практику со своими сокурсниками в июле 1971 года. И с этого времени я видела Юрия Николаевича постоянно. На втором курсе он нам читал лекции по этнографии народов мира. Мой муж писал у Юрия Николаевича диплом по археологии. Затем он начал работать с Урбаном в научно-исследовательской группе, которая получила название «Свод памятников». Мой муж одновременно учился в аспирантуре Института археологии заочно, и когда он окончил учиться, Ю.Н. уехал в Ленинград, а Вячеслав Михайлович стал возглавлять эту научно-исследовательскую группу по обследованию археологических памятников на территории Калининской области. Также у них есть ряд совместных публикаций. То есть они работали совместно, сначала как учитель – ученик, потом как коллеги на протяжении довольно многих лет. Даже когда Юрий Николаевич уехал в Ленинград дружеские и научные контакты продолжали поддерживаться. Ю.Н. был действительно товарищем, старшим другом нашей семьи, он был у нас на свадьбе, на разных юбилеях. И когда он работал в Ленинграде, то мы его часто навещали. Он к нам приезжал, мы к нему приезжали. Моя последняя встреча была с ним в июне 1999 года в Ленинграде.

– Каким Юрий Николаевич был как исследователь, и как

человек?

– Юрий Николаевич прошел очень хорошую археологическую школу, он окончил кафедру археологии исторического факультета Ленинградского университета, это была ведущая кафедра в Советском Союзе, экспедиции проводились по всему Союзу. Я знаю, что Ю.Н. работал, будучи еще студентом, на Дальнем Востоке под руководством академика Окладникова. Так что у Юрия Николаевича была очень хорошая археологическая подготовка, и он обладал в этом деле какими-то даже интуитивными данными. Знал и мог найти, обнаружить что-то, и его раскопки Языково во многом сопровождались интуицией помимо его глубоких знаний. Это были очень древние неолитические поселения 3 тысячелетия до н.э. Открытия, которые там были сделаны – это в значительной степени заслуга Юрия Николаевича.

Юрий Николаевич был очень стеснительным по своему характеру и, хотя у него была подготовлена кандидатская диссертация, он, работая в Ленинграде, в областном музее, не решился ее защищать. Он считал, что он что-то еще не доделал, что нужны еще какие-то доработки. Хотя все говорили, что для кандидатской у него достаточно.

– То есть, он был в каком-то плане перфекционистом?

– Он романтик. Он все детство провел в деревне в Селижаровском районе. Отец погиб в первый же месяц войны, и он все время с матерью был. А у него же физический недостаток был, одна рука у него была слабая (забыла, правая или левая), но он в своей деревне все физически делал, и он очень крепко ходил на лыжах. Так что физически он был крепкий. Маршрутов он мог пройти не знаю сколько. И грести на лодках он мог. Я помню, мы с ним 15 км один день прошли, я после этого неделю лежала.

– Вы можете назвать его профессионалом своего дела?

– Конечно, конечно. Это не я – это любой человек скажет. Он очень хороший поисковик. Он был человеком, который умел организовать экспедицию, умел подготовить быт в экспедиции, причем очень большое

количество человек у него там было. У него был продуманный календарный график работы и отчетность. Вообще все студенты, которые рядом с ним были, им просто восхищались. У него и внешний вид был очень оригинальный. У него была шикарная борода, волосы красивые, цвет лица такой тонкий и очень яркие голубые глаза, совершенно необычного цвета. Когда я в последний раз с ним встретилась, я ему сказала: «Юрий Николаевич, вы стали совершенно как какой-то библейский мудрец».

– Что вы можете сказать о его семье?

– Наталья Ивановна Ивановская – его супруга, она работает в институте этнографии народов России, я с ней общалась. Она тоже занималась археологией. Она закончила исторический факультет Ленинградского университета, и по окончании они вместе работали. В Ленинграде она защитила диссертацию по этнографическим коллекциям. И дочь у них – Ольга, мне кажется, она в году 70-м родилась. Но она не историк. Там у них какой-то институт кинематографии был, но такой технический, где занимаются монтажом, операторством. Она там работала, там же и училась. У нее двое детей, две девчонки, поэтому фамилия не продолжается.

Юрий Николаевич перевез маму в Ленинград, забрал с деревни, за ней очень долго ухаживал, она лежащая была долго. Я не знаю, может быть где-то с войны, голодное детство, у нее сердце было больное. И он умер очень трагически, мать уже схоронил к этому времени, вышел в магазин, телефона даже при себе у него никакого не было, от дома этот магазин недалеко, что-то ему плохо стало, он присел на приступке магазина и скончался. Это было с утра, жара была. Но я на похороны не ездила. Игорь Николаевич (Черных) ездил, мой муж и еще пару товарищей. Там по завещанию – кремирование, подзахоронение к матери, а мать – в Торжке, так и похоронили, по завещанию. И в Торжке на памятнике ему сделали лопату.

– Были ли у Юрия Николаевича какие-то увлечения, помимо археологии?

– Он очень хорошо фотографировал. У него дома была фотолаборатория, он сам занимался, печатал фотографии. И у него была очень большая любовь к русской литературе XIX века. Он много знал стихов наизусть. Но больше всего меня поражало, что он знал рассказы, прозу, мог рассказать их где-то вечером, у костра. Вот я слышала: «Девочки, я вам расскажу» (как бы воспитательный момент). Он читал Бунина «Легкое дыхание». Он хороший был рассказчик, он хорошо знал людей, из археологической жизни, он с ними много общался и любил рассказывать какие-то сюжеты. Я помню, что он про Окладникова рассказывал интересно, причем такие смешные моменты. Как Юрий Николаевич в первый раз варил манную кашу для всех в экспедиции. Все там у него превратилось в комки. И вот отсюда такая традиция пошла, как человек первый раз появляется в экспедиции, первое, что нужно сделать – надо предложить поесть, человека накормить. Юрий Николаевич умел сам готовить, какие-то у него были блюда. Когда праздник он у себя устраивал, он сам все готовил.

– **Талантливый человек – талантлив во всем?**

– Да, Юрий Николаевич – очень талантливый человек. Он и песни пел, старинные, народные, русские. Он пел песню «Сам я вятский уроженец». Такие вот протяжные уральские песни. Он еще чертежником был, мне кажется, неплохим. Вот насчет рисунков я плохо помню, но вот эти все схемы, чертежи он рисовал. Я вспоминаю сейчас, когда у нас были лекции по этнографии, он нам раз-раз-раз на доске и делал зарисовки каких-то костюмов, бубнов шаманских. Лекции у него были просто совершенно гениальные. То есть так эмоционально он все рассказывал и описывал. Вел он еще руководство дипломными работами. И в научно-исследовательском секторе он работал, у них была своя лаборатория, был склад, в том числе и всяческие фотографии.

Это очень яркий человек. У него прозвище в экспедиции было «шеф». И песня есть такая «А шеф шагает впереди». О нем дурного слова никто бы не сказал, солнечный человек. И очень стеснительный. Обидчивый был

немного, ранимый точнее. Религиозных чувств никогда за ним не замечала, но, наверное, он был верующим человеком.

Из воспоминаний доцента кафедры архивоведения, историографии и документоведения ТвГУ Инны Геннадьевны Серegiной

– **Где и при каких обстоятельствах вы познакомились с Юрием Николаевичем?**

– С Юрием Николаевичем я познакомилась летом 1968 года во время прохождения археологической практики.

– **Какие между вами сложились отношения?**

– Рабочие, конечно, как студент и преподаватель.

– **Считаете ли вы, что Юрий Николаевич был профессионалом?**

– Да, Юрий Николаевич Урбан был очень хорошим профессионалом, у него было хорошее образование, он закончил Ленинградский университет, специализация по археологии. И то, как он проводил практику, говорило о том, что он хороший профессионал.

– **Каким Ю.Н. Урбан был человеком? Его личностные качества?**

– И как человек, я считаю, он был очень-очень хорошим. Он был человеком культурным, вежливым, очень ответственным, умеющим делать все необходимое. В общем-то он выезжал с нами один, а студентов было человек двадцать или даже побольше. Мы выезжали в Лесной район, это очень отдаленный район, в деревню Дворищи. Там не было даже электричества в то время, мы жили в школе, но организованно все было у нас достаточно хорошо. Для организации питания было предоставлено место – школьная столовая, в которой мы и готовили. Юрий Николаевич умел в таких походных условиях сделать абсолютно всё. Мы себя чувствовали за ним как за каменной стеной. На наш взгляд он мог разрешить буквально любую проблему, какая бы не возникала. Практика была организована очень хорошо, очень качественно, очень дисциплинированно. Работали мы в соответствии с режимом, как положено, не пропуская ни одного дня, были и

выходные дни. А так у нас был строгий режим работы, который мы знали, питание было организовано очень хорошо, потому что многое мы с собой везли сразу же из города, в отношении молока мы договорились в колхозе на ферме. Было организовано и дежурство, потому что мы готовили пищу сами, надо было делать многие вещи. Что мы не умели – Юрий Николаевич учил. Мальчики печь топили, воду носили. Все шло, «как по маслу».

– **Знаете ли вы что-нибудь о его семье?**

– Да, он женат. Жена – Наталья Ивановская, она тоже закончила ЛГУ. Один раз она была с нами в экспедиции. И у него дочь.

– **Говорил ли он сам о своей работе? Что считал наиболее важным в ней, выделял какие-то особенности?**

– Я могу сказать только одну простую вещь. Там мы первый раз столкнулись и поняли именно с Юрием Николаевичем, как необходимо вести раскопки от начала и до конца. От момента, когда проходит разведка, определяется время, от того момента, как размечается участок кольщиками на определенные сектора, снятие дерна и до момента закрытия, когда мы уезжаем. И ведение всей документации, и учет находок.

На раскопки с Ю.Н. мы ездили 2-3 раза. И в Отмичи ездили. Я считаю, что при проведении раскопок он считал важным всё. Не было ничего второстепенного. Не было такого, что, если к нему обратиться с каким-то вопросом, он бы сказал, что это не важно.

– **Как к Ю.Н. относились коллеги?**

– Коллеги относились уважительно. И на факультете Юрия Николаевича уважали. Но именно у нас он не преподавал.

Подводя итоги, следует сказать, что Юрий Николаевич Урбан внес не только огромный вклад в изучение археологии Верхневолжья и каменного века, но он смог стать прекрасным наставником для будущих поколений историков и археологов. Отличаясь заинтересованностью в своей работе и чувством ответственности за нее, Юрий Николаевич привил эти качества

молодым исследователям, а также воспитал в них профессиональные навыки, передаваемые от учителя к ученику, что позволило историческому факультету Тверского университета сохранить высокий уровень профессионализма в деле изучения прошлого.

Список использованной литературы

1. Сороина Х.Д., Урбан Ю.Н. Из истории Верхневолжья: Курс лекций / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1976. 150 с.
2. Черных И. Н., Ивановская Н.И., Максимов А.Д., Шпак Т.А. Памяти Юрия Николаевича Урбана (1940-2002) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 5-7.

Ю.Н. Урбан на конференции

*Регеда Д. (2 курс), Барабанова К.,
Бойков Я., Морева Л.,
Расторгуева В., Сафаров Р.
(1 курс бакалавриата),
Исторический факультет ТвГУ*

**Вячеслав Михайлович Воробьев в воспоминаниях родных, близких
и коллег**

Ключевые слова: Вячеслав Михайлович Воробьев, археология, Тверская область, краеведение, историческая география, топонимика, общественный деятель.

Вячеслав Михайлович Воробьев больше всего известен как советский и российский археолог, историк, писатель и краевед. Он был уроженцем и настоящим патриотом Весьегонска и Тверского края, изучению которых он посвятил всю свою жизнь.

Это подтверждают слова профессора и доктора исторических наук *Ирины Геннадиевны Воробьевой*, супруги Вячеслава Михайловича: «История тверской земли – это вся жизнь Вячеслава Михайловича. И жизнь нашей семьи тоже всегда была связана с его работой».

Вячеслав Михайлович оставил поистине большой след в разных областях науки, искусства и общественной деятельности. Имя этого человека навсегда останется в памяти нашего региона.

28 июня 2023 г. в Твери прошло памятное мероприятие, посвященное дню рождения Вячеслава Михайловича Воробьева, ушедшего от нас в ноябре 2022 г. Вот, что говорили близкие, друзья и коллеги об этом выдающемся ученом и человеке.

Интересы Вячеслава Михайловича лежали в разных областях науки. Он был многогранным человеком и начинал свой профессиональный путь как археолог. В 1977 г. возглавил научно-исследовательскую группу «Свод

памятников истории и культуры» Калининского государственного университета, которая за 10 лет работы под его руководством открыла более 3-х тысяч археологических объектов, что стало высшим региональным показателем в Советском Союзе.

О большом спектре знаний и интересов этого замечательного человека свидетельствуют слова археолога *Александра Витольдовича Мирецкого*:

«Совместить увлечение морской историей, археологией, поэзией, и кучи других вещей мне представляется очень сложным, а он это делал совершенно легко и естественно. Я могу его сравнить только с учёными эпохи Возрождения, которые были едины во всём, они были поэтами, математиками, художниками. Мы с Вами общались с личностью такого порядка. В археологии Слава работал сравнительно недолго. Но успел сделать очень многое. Главное, это то, что группа «Свода памятников», работавшая очень продуктивно под его руководством, создала задел, которым мы пользуемся до сих пор.

Колоссальный размер нашей области, её насыщенность водными объектами, а, как Вы понимаете, вся археология в основном сосредоточена вблизи водных объектов, не позволила группе Свода досконально обследовать всю территорию области. Однако то, что было сделано, несопоставимо с последующими исследованиями вплоть до нынешнего дня. Даже после того, как Слава перестал активно заниматься археологией, он всё равно в ней присутствовал, работая уже в другом качестве. Он занялся исторической географией, и его исследования по топонимике и волоковым путям Великого водораздела, выразившиеся потом в монографии, и позднее в защищённой докторской диссертации – это действительно фундаментальная работа. И я, как действующий археолог, постоянно к ней обращаюсь, причём ещё с тех пор, когда эта работа только начиналась. Достаточно часто, приезжая из разведочных экспедиций, я встречался со Славой. Я давал ему некоторую информацию о памятниках, расположенных вблизи волоковых путей. Слава это использовал, и его работа по волоковым путям и вообще все

его труды по исторической географии, они для археологов очень существенные».

Александр Витольдович отметил и личностные качества Вячеслава Михайловича: «Ещё один момент: археология, как полевая дисциплина, невозможна, если внутри коллектива нет дружеских отношений. В экспедициях, которыми руководил Слава, и я с ним много лет вместе работал, была прекрасная атмосфера. Экспедицию цементировал Слава, с одной стороны, своим интеллектом, с другой стороны, чисто по-человечески. Слава понимал важность дружеских отношений и связей внутри коллектива. То, что мы почти 50 лет с ним дружили, говорит о том, что Слава умел дружить, и это очень важное человеческое качество, данное далеко не всем. Он был не всегда простым руководителем, мог быть жёстким, но он почти всегда мог объяснить, почему он действует так или иначе, если в этом есть необходимость».

Вячеслав Михайлович Воробьёв был человеком энциклопедических знаний, выдающимся специалистом в области истории и краеведения, он внёс огромный вклад в изучение прошлого Верхневолжского региона и сохранение его исторического наследия. На основе картографических и статистических материалов была создана электронная база данных по всем населённым пунктам Тверской области, прекративших существование в XIX – XX вв.

Вячеслав Михайлович являлся членом учёного совета Всероссийского историко-этнографического музея в г. Торжке (ВИЭМ). О качествах и работе Вячеслава Михайловича рассказала *Ирина Владимировна Жукова*, директор ВИЭМа: «Вячеслав Михайлович был не только большим профессионалом, он был большим другом. И эти два его мощных фактора, сочетающиеся в одном человеке, были движущей силой для всех нас. Я являюсь поклонницей его таланта много лет, больше 10 лет мы с ним просто дружили, не только работали, мы по-настоящему дружили. И правильно будет сказано, что в любой момент, когда нужно было попросить совета по любому вопросу, не

только по вопросу истории нашей Тверской области, он всегда был рядом и всегда был готов ответить. Совместно с ВИЭМ Вячеслав Михайлович издал книги «Тверская земля и Вологодчина: переключка героев», «Тверская земля и Смоленщина: переключка героев».

Мы, как и многие из наших коллег, очень рассчитываем продолжить серию книг о тверских людях, проявивших себя в сопредельных регионах.

Вячеслав Михайлович был известен как писатель и поэт. В Тверской области нет человека, который бы не знал, не видел и не учился по учебнику «История Тверского края», автором которого был Вячеслав Михайлович. Он совместно со своей супругой Ириной Геннадиевной, доктором исторических наук, профессором, подготовил и издал 5 учебных пособий для учителей и студентов о тверской топонимии и антропонимии. Кроме того, Вячеслав Михайлович – автор многих текстов песен, которые исполняются в археологических экспедициях по всей стране.

Лобачёва Татьяна Ивановна, главный библиотекарь Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького поделилась своими воспоминаниями. «Я была очень хорошо знакома с Вячеславом Михайловичем Воробьевым. В нашей библиотеке и, без преувеличения, во всех библиотеках области, его знали и жаловали. Вячеслав Михайлович известен и привлекателен среди наших читателей и как писатель, и как поэт. Его биографические очерки о жизни и подвигах наших земляков, освободителей Белоруссии, Ржева направлены против забвения трагической и славной истории, наполняющей нас чувством гордости за Родную землю. Тверское библиотечное сообщество безгранично благодарно Вячеславу Михайловичу за деятельное участие в культурно-просветительских проектах нашей библиотеке. Несмотря на свою невероятную загруженность, он всегда был готов помочь нам словом, делом и мышлением. Мы признательны Вячеславу Михайловичу за то, что он щедро одаривал нас своими книгами. Мы очень бережно храним все его книги. И я заверяю вас, что они станут достоянием наших читателей. Мы приложим все усилия, чтобы имя

Вячеслава Михайловича и его книги в нашей библиотеке знали, читали и любили».

Общественная деятельность Вячеслава Михайловича во многом связана с защитой природного и культурного наследия Тверской земли и центральной России. Он являлся сторонником широкого сотрудничества и совместного творчества учёных России и других стран.

Владимир Петрович Лукин, доктор исторических наук, профессор, сенатор РФ, помощником которого В.М. Воробьев работал в 2016-2021 гг., вспоминал: «То, что этот человек необыкновенный – бросалось в глаза с первого взгляда. И, честно говоря, с точки зрения местной Тверской, и научной, и гуманитарной проблематики, он был, конечно, лидером в нашей небольшой компании, все у него учились. Вячеслав Михайлович – человек действительно необыкновенный. Все то, к чему он прикасался – светило. Он никогда не навязывал свою точку зрения. Но его точка зрения была основана на широкой эрудиции, поэтому не принимать ее было просто смешно. Он был живой энциклопедией всего того, чем он интересовался. Если стоял выбор посмотреть википедию/энциклопедию или спросить его, то выбор был очевиден. Он знал дело лучше, разностороннее, чем любая википедия. В тех вещах, которыми он сам интересовался, он был компетентнейшим человеком. Кроме того, он был человеком обаятельнейшим и проводить с ним время было огромным удовольствием. Он строил свою жизнь вокруг истины и Родины: Родины и большой, которой он интересовался и любил, и Родины малой, которую он любил не меньше, а знал больше всех остальных. Он больше всех заслуживает имени летописца Твери. Все, что касалось Твери, он знал досконально точно, и знал с душой. Он не просто знал, это был угол поиска истины. Он нашел точку поиска и поэтому он так много обрел. Он навсегда останется человеком, который был воплощением своего края, своей области, и в том, что касается знаний, характера и поисков еще не найденного. Он был настолько уверен, что все, что существует в мире хорошего – имеет своим происхождением Тверскую

землю, что иногда это его пожелание реализовывалось в знание и оказывалось действительным знанием. Было очень здорово наблюдать за этим. Можно сказать, что его поиски от точки отсчета истины носили характер истинно гуманитарный, даже истинно романтический, и отсюда его потрясающее увлечение поэзией. Он создал много хорошего, любил поэзию во всех ее формах и проявлениях. Нам было очень интересно говорить обо всей широкой палитре, которую он знал и любил. Все это производит впечатление, что у Вячеслава Михайловича был один недостаток, но очень огромный, который перекрывает все его достоинства – он рано ушел от нас, он мог бы сделать еще многое для нас. За это время у нас сложились очень дружеские отношения с Вячеславом Михайловичем, и я его просто полюбил. Его роль в Твери и его отношения с Тверью не заканчиваются его земным существованием. Он, как Нестор-летописец, будет жить бесконечно».

Ирина Геннадиевна Воробьева, супруга Вячеслава Михайловича, доктор исторических наук, почетный профессор ТвГУ любезно поделилась с нами своими воспоминаниями о Вячеславе Михайловиче.

– Скажите, как начиналась профессиональная деятельность Вячеслава Михайловича?

– Вячеслав Михайлович (далее – В.М.) поступил на исторический факультет после окончания средней школы г. Весьегонска, где он родился в 1950 г. Будучи учеником, он совместно со школьным учителем с представителями Института археологии АН СССР, принимал участие в небольших раскопках, о чем в его книге «Камень, бронза, железо» и написано. Он поступил на исторический факультет Калининского пединститута, потому что знал, что здесь проводятся археологические экспедиции.

В те годы там преподавал Василий Сергеевич Тарасенко — тоже выпускник Калининского педагогического института 1941 года, работавший на историческом факультете, кажется, с 1948 года. Он преподавал историю древнего Востока, древней Греции, древнего Рима, читал лекции и

преподавал археологию. Но такого самостоятельного предмета в пединституте не было, это были отдельные лекции в рамках истории Древнего мира. Василий Сергеевич, насколько мне известно, сам проводил некоторые исследования, разведки, экскурсии недалеко от Калинина и Старицы. В.М. на первом курсе как раз сдавал экзамен В.С. Тарасенко, а после окончания первого курса, как и другие студенты, отправился на археологическую практику, которой руководил сотрудник объединённого краеведческого музея Юрий Николаевич Урбан — профессиональный археолог, выпускник кафедры археологии Ленинградского университета, по окончании которой Ю.Н. Урбан, был направлен в Калинин как сотрудник музея. Одновременно он был совместителем на нашем факультете для проведения практик. В 1972 г. пединститут был преобразован в университет, в учебный план были включены курсы по археологии и этнографии. Я как раз слушала лекции Ю.Н. Урбана, сдавала ему экзамены и была на археологической практике в Кашинском районе в 1971-1973 гг.

В.М. вместе со студентами также был в археологических экспедициях, и в дальше он работал с Ю.Н. Урбаном. Уже с третьего курса В.М. выступал с докладами на разных студенческих всероссийских конференциях по археологии, одна из них проходила в Могилеве. Студенты исторического факультета всегда принимали участие в конференциях. Это важно: самому быть участником экспедиции, обрабатывать обнаруженный материал, и далее анализировать его, составлять научный обзор и докладывать о результатах на конференциях, потому что при обсуждении возникали вопросы, возникала дискуссия и появлялись значимые выводы. И только потом мог быть опубликован текст.

По окончании университета в 1973 г., В.М. отслужил год в рядах советской армии, и по возвращении был принят на работу в состав большой группы для научных исследований по составлению свода археологических и исторических памятников Калининской области. Это был очень большой, всесоюзный проект Министерства культуры РФ. То есть министерство в

вузах создавало группу для обследования памятников. И важной задачей было обнаружить памятник, сделать описание, составить паспорт, сдать материалы в местное областное отделение по охране памятников. Другой экземпляр оставался в Институте археологии Академии наук, где он хранился в архиве, и исследователи могли им пользоваться.

– Какие увлечения, хобби помогали ему в работе и во взаимодействии со студентами?

– Вы спрашиваете о хобби. Работа в экспедиции студентов была не очень лёгкой в бытовом отношении. Это были палатки, полевая кухня, обычно пища готовилась на костре. И для того, чтобы студентам вечером была не так грустно, обычно проводились беседы. Рассказывалось конкретно о том объекте, которым они занимаются, о перспективах работы с этим материалом. И обычно такие беседы у костра заканчивались исполнением археологических песен. В.М. знал их очень много. Кстати, такую всероссийскую коллекцию археологических песен собрал хороший друг В.М. из Ленинградского университета. Я видела несколько видеозаписей, где современные студенты Петербургского университета встречались с этим преподавателем, он прочитал целую лекцию о студенческом археологическом фольклоре.

В.М. сам не умел играть на инструменте, но всегда был какой-нибудь человек с гитарой, и они исполняли общие песни. В.М. сам обладал поэтическим даром ещё со школьных времён. В студенческие времена он стал профессионально этим заниматься, позднее, издав несколько сборников, был принят в Союз писателей России. Он любил сочинять тексты песен или частушек, фиксирующих те события, которые произошли в конкретных экспедициях с конкретными студентами, с указанием конкретных имён и смешных историй. Рядом с научным пафосом всегда соседствовали комические истории со студентами, и В.М. очень хорошо умел мягко рассмешить.

Прочитывать их я не смогу. К сожалению, эти многочисленные

частушки так и остались без записи, а песни, которые сочинялись в экспедициях, в исполнении Игоря Николаевича Черныха, ныне заведующего археологическим отделом Объединённого музея, (с текстами, в том числе и В.М.) записаны. Имеется и диск, и бумажное издание с нотами. т.е. это не просто архивная память.

– Какие методы, подходы Вячеслав Михайлович использовал в своей преподавательской деятельности?

– В.М. читал лекции по археологии и по этнографии в конце 70-х — начале 80-х годов на историческом факультете, а с 1994 года он читал лекции по археологии, этнографии и истории Тверского края в Государственной академии славянской культуры, в её филиале в г. Твери. Ныне эта академия была преобразована и является отделением Государственного университета им. Косыгина в Москве. Таким образом, до своей скоропостижной кончины В.М. читал лекции по археологии и по истории Тверского края на протяжении сорока лет.

В.М. был очень строгим преподавателем. У него на лекции никто не шумел, внимательно слушали, записывали; он разрешал задавать вопросы. Самое важное для него было то, что на каждой лекции должна была быть физическая карта Тверской области или России, где можно было показать студентам тот или иной объект. Пока не было компьютеров, в качестве иллюстративного материала пользовались фотографиями, слайдами, у В.М. была большая коллекция.

Что ещё важно: на лекции он приносил книги из своей собственной, очень большой, археологической библиотеки (её он несколько лет назад подарил археологическому отделу Объединённого музея). Студенты видели книги, написанные тем или иным археологом. И по поводу уникальности манеры чтения лекций, я бы хотела отметить одно важное обстоятельство: о каждом археологе, который раскапывал тот или иной памятник, В.М. рассказывал, что это за человек, ведь многих он лично знал и видел.

Я упомяну здесь Владимира Геннадиевича Карцова, профессора

нашего педагогического института. Это был уникальный человек. Он приехал сюда в 1960 или 1961 году, уже как известный историк и автор учебника по истории СССР для учеников 4 класса начальной школы. За этот учебник, переведенный на многие языки, он получил орден Ленина. Вот такой человек преподавал в этом здании, а конкретно на первом этаже. И как раз В.Г. Карцов был профессиональным археологом. В нашем вузе он не проявлял себя как археолог, не читал лекции по археологии. Но он знал всех ведущих археологов. Кстати, дипломную работу В.М. выполнял по археологии, и научным руководителем у него был профессор В.Г. Карцов. К сожалению, Владимир Геннадиевич скоропостижно скончался в 1977 году.

Я вернусь к археологической части, к В.Г. Карцову. Он как археолог известен и высоко ценим в Красноярском крае, там он жил и занимался археологией еще до войны. В Красноярске в музее он создал археологический отдел. Интересный момент, связанный с моим мужем и с В.Г. Карцовым. В 1920-е годы В.Г. Карцов учился в Московском университете на историческом факультете. Так как он был родом из Костромы, ему нужно было общежитие. И с этим связана одна необычная история, которую В.М. много лет позднее узнал, рассказывал студентам на лекциях и писал об этом. В одной комнате общежития оказались будущий академик Борис Александрович Рыбаков, В.Г. Карцов, Дмитрий Александрович Крайнов и Евгений Игнатьевич Крупнов. Все они стали выдающимися археологами.

И когда В.М. поступал в аспирантуру Института Археологии, научным руководителем был Д.А. Крайнов. И он сказал Б.А. Рыбакову: «Слава закончил Калининский пединститут, и научным руководителем у него был наш студенческий товарищ Карцов. Как он может не знать археологию?» Это была заочная аспирантура. Когда он защищал диссертацию в Институте археологии, председателем диссертационного совета был академик Б.А. Рыбаков. На защите присутствовала и Фирая Хабибуловна Арсланова, научный руководитель Елены Викторовны Лагуткиной. Сообщество

археологов очень крепкое.

– Какие студенты, работавшие с ним, добились значительных результатов в своих исследованиях?

– В.М. руководил «Сводом археологических памятников», и вместе с ним работал Андрей Дмитриевич Максимов, тоже студент нашего факультета, выпускник 1979 года. Он стал профессиональным археологом. К сожалению, у него возникла тяжёлая болезнь и сейчас он уже скончался. С В.М. работал Александр Витольдович Мирецкий, которого вы могли слышать в историческом парке «Россия - моя история». Он был студентом В.М., и сейчас у него свой археологический исследовательский центр «Терра». А.В. Мирецкий проводит экспертизу археологических памятников. Сейчас с ним вместе работает его сын Владимир, тоже выпускник нашего факультета, и наш младший сын Никита, который закончил магистратуру по археологии у В.М. в университете им. Косыгина.

Необходимо также назвать Петра Дмитриевича Малыгина. П.Д. Малыгин - выпускник исторического факультета, который он закончил в 1980 году. Он ездил в археологические экспедиции с В.М. и стал сотрудником научно-исследовательского сектора «Свод археологических памятников» под руководством В.М. Позднее, когда Свод завершил работу и был подготовлены материалы, П.Д. Малыгин сконцентрировал своё внимание на раскопах Торжка. В Торжке, при содействии академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, был открыт Всероссийский историко-этнографический музей (ВИЭМ), и П.Д. Малыгин как уроженец Торжка принял активное участие в организации этого музея. Многие сотрудники исторического факультета были привлечены к его организации, и я вместе с Петром Дмитриевичем несколько лет проводила практику со студентами на территории Борисоглебского монастыря г. Торжка, где первоначально располагался центр ВИЭМ. Сейчас это действующий монастырь.

П.Д. Малыгин защитил кандидатскую диссертацию по истории Торжка, потом много лет был преподавателем исторического факультета,

читал лекции по исторической географии, истории Тверского края. Пётр Дмитриевич скончался в тот же год, что и В.М., но несколько раньше (февраль 2022). И как человек, многое сделавший для изучения археологии и истории города Торжка, в июне этого года он получил статус почётного гражданина города Торжка.

Вячеслав Михайлович являлся почётным гражданином Торопца, и надеюсь, что ему будет присвоено звание почётного гражданина Тверской области. Сейчас разрабатывается макет памятной доски Вячеславу Михайловичу, которая будет установлена в нашем университете.

– Спасибо большое за интервью.

В заключение следует отметить, что Вячеслав Михайлович обладал всеми качествами, которые необходимы для настоящего исследователя и профессионала своего дела. Его вклад в развитие изучения истории Тверского края неоспорим. А все его достижения помогают современным исследователям продолжать эту важную работу и совершать новые открытия. Тем, кто хочет достичь успеха в своём деле, стоит равняться на таких личностей, как Вячеслав Михайлович Воробьёв. Его методы работы и его преданное и ответственное отношение к ней вызывают желания действовать. А тепло, с которым он относился к своему родному краю, чувствуется во всем его научном и литературном наследии.

Вячеслав Михайлович Воробьев

*Белякова Н.А., Беркембекова М.А.,
Саясова С.Р., Сорокина В.Д., Утицких Н.В.*

(1 курс бакалавриата)

Исторический факультет ТвГУ

Петр Дмитриевич Малыгин в воспоминаниях коллег

Ключевые слова: Петр Дмитриевич Малыгин, Торжок, Тверь, средневековая урбанистика, преподавательская работа, кафедра всеобщей истории, археология, археологическая экспедиция.

Петр Дмитриевич Малыгин – кандидат исторических наук, известный специалист по истории Тверского края и средневекового русского города, тонкий знаток отечественных древностей.

Петр Дмитриевич – уроженец города Торжка. В 1974 году он закончил среднюю школу №2. Уже в школьные годы было понятно, что он будет историком, так как он увлекался историей родного края. В 1980 г. окончил исторический факультет Калининского государственного университета. В дальнейшем почти вся его научная деятельность была связана с родным факультетом. Свой исследовательский путь Петр Дмитриевич начал как сотрудник группы по составлению «Свода памятников истории и культуры Тверской области», затем стал ассистентом, старшим преподавателем, а позже – доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков, кафедры социально-культурного сервиса. Последние годы Петр Дмитриевич работал научным сотрудником Института археологии РАН. Как преподаватель исторического факультета в разные годы Петр Дмитриевич читал курсы «История первобытного общества», «Историко-географические аспекты всемирной истории», «Историческая география», «История археологической науки», «Изучение средневекового города по археологическим данным», «Западноевропейские дипломаты и путешественники XV–XVII вв. о России».

Являясь одним из составителей «Свода памятников» П.Д. Малыгин вместе с коллегами провел огромную работу по выявлению, описанию и картографированию памятников археологии Тверской области. Одновременно с этим, с начала 80-х гг. он начинает самостоятельные археологические исследования в Торжке. До конца жизни эта работа будет главным направлением его научных исследований. Кропотливый сбор и изучение древностей Новоторжской земли он продолжал до последнего дня.

Именно Торжку посвящена диссертация и большая часть публикаций, вышедших из-под пера Петра Дмитриевича. Все основные открытия ученого также сделаны в Торжке. Будучи учеником выдающихся российских археологов, академиков В.В. Седова и В.Л. Янина, Петр Дмитриевич Малыгин, по сути, создал Новоторжскую археологическую экспедицию и был долгое время ее руководителем. Более 20 лет студенты исторического факультета проходили археологическую практику в Торжке. Благодаря многолетним раскопкам и ярким открытиям экспедиции – находкам домонгольских берестяных грамот, неизвестного ранее храма XII в., построенного из плинфы, каменных укреплений Новоторжского кремля, сфрагистического архива с пятьюдесятью печатями XIII–XIV вв., клада серебряных украшений, спрятанного весной 1238 г. при обороне города от войск хана Батыя – воссоздан неизвестный ранее облик средневекового Торжка и собрана колоссальная коллекция находок, характеризующая культуру, хозяйство и быт его жителей.

Петр Дмитриевич стоял у истоков создания Всероссийского историко-этнографического музея в Торжке, в котором он возглавлял отдел археологии и археологическую экспедицию Всероссийского историко-этнографического музея.

7 февраля 2022 г. Петр Дмитриевич Малыгин, человек безмерно преданный изучению истории, истинный борец за сохранение историко-культурного наследия страны, ушел из жизни.

Для данной статьи авторами были взяты интервью у ряда коллег и

учеников Петра Дмитриевича.

*Из воспоминаний доцента кафедры отечественной истории ТвГУ
С.В. Богданова.*

Тесное научное общение с Петром Дмитриевичем началось с моей статьи об истории Твери в 2002 г. Петр Дмитриевич высказал критические замечания о ней, и с тех пор началась деятельность, вылившаяся в целую серию совместных публикаций, в которых мы отстаивали общую точку зрения на проблему возникновения Твери.

В 2023 г. Петру Дмитриевичу Малыгину присвоено звание почетного гражданина Торжка. И это заслуженно. Большинство материалов об истории и археологии города (письменных источников и археологических находок) было собрано именно благодаря Петру Дмитриевичу. Он горячо любил свой Торжок и его историю, что предопределило всю его жизнь. Он начал заниматься изучением своего города еще в школьные годы, и именно Торжок стал основным направлением исследований Петра Дмитриевича.

Основным научным направлением, которым Петр Дмитриевич занимался была средневековая урбанистика. Это изучение средневекового города – самостоятельное и перспективное направление в исторической науке. Вслед за В.Л. Яниным он был сторонником комплексного источниковедения. Если коротко, то, согласно данному подходу, история города изучается с двух точек зрения: с одной стороны – через археологические источники, с другой – через источники письменные. Также привлекаются источники и из других научных дисциплин, в том числе естественных. Петр Дмитриевич придерживался традиционных методов исследования, основываясь на объективной оценке источников. Например, для материалов раскопа в Тверском Кремле, которым руководил В.А. Лапшин, Петр Дмитриевич использовал комплексную датировку на основе дендрохронологии и радиоуглеродного анализа. Он старался быть точным в своих выводах, не принимал ничего лишнего и не терпел фантазирования при интерпретации данных.

Помню, в 2005 году на раскопе Верхнего городища в Торжке, являвшегося княжеской резиденцией, было сделано одно из самых выдающихся открытий Петра Дмитриевича. Именно он пришел к выводу, что названия «Торжок» и «Новый торг» не синонимичны, а соответствуют разным частям города. «Торжок» относится к боярскому вечевому городу, а «Новый торг» обозначал княжескую резиденцию. Также было выявлено сооружение, в котором было много обугленных плах, а также был обнаружен скелет сгоревшего человека. Он сгорел при пожаре, а затем его останки растащили собаки. На раскопе было обнаружено большое количество печатей, и найденное строение было идентифицировано как местная канцелярия. При датировке печатей было выяснено, что они принадлежат к очень узкому хронологическому периоду 1330-1370 гг. Было доказано, что в канцелярии либо хранились, либо изготавливались документы. Помимо этого, были открыты древокаменные оборонительные сооружения на берегу Тверцы.

Думаю, Петр Дмитриевич оказывал большое влияние на профессиональную деятельность своих учеников. Сейчас в Торжке его дело продолжает Наталья Александровна Сарафанова. Мне он помог в свое время делать первые шаги в таких сложных направлениях как медиэвистика и урбанистика. Своими советами он формировал в своих учениках важные качества – не спешить с выводами и быть готовыми к опровержениям выдвинутой теории. Большое внимание Петр Дмитриевич уделял вопросу терминологии. Петр Дмитриевич всегда руководствовался очень простым принципом – не нужно читать историю, нужно читать источники.

Петр Дмитриевич был очень требовательным и к себе, и окружающим. Не только в вопросах профессии, но и в любых других вопросах, даже бытовых. Также Петр Дмитриевич был очень начитанным человеком. Заходя к нему в квартиру, гость встречал в прихожей полки с книгами, а когда проходил дальше, то видел еще большее количество различной литературы. Все записи Петр Дмитриевич делал от руки. Помню, как я перепечатывал его

выписки из писцовой книги, это был аккуратный, выверенный почерк. Его записки обладают особой последовательностью и лаконичностью. Петр Дмитриевич хорошо пел, ему нравилось это делать, я неоднократно слышал в его исполнении песни советских бардов.

Несомненно, у Петра Дмитриевича были друзья. Например, Петр Маркович Алешковский, с которым он постоянно поддерживал отношения. Были и другие близкие коллеги. Но он не терпел дружбы «мимоходом», то есть тех отношений, которые возникали в процессе совместной работы и обрывались сразу после неё.

Петр Дмитриевич всегда считал себя учеником В.Л. Янина. Также его научным руководителем был В.В. Седов. Они оказали на историка очень большое влияние как в изучении археологии, так и в изучении источников.

Торжок был выбран в качестве объекта изучения Петром Дмитриевичем не случайно. Конечно, основная причина заключалась в том, что город являлся его малой родиной. Однако история города пробуждала в нем и исследовательский интерес. Торжок относился не Тверскому княжеству, а к Новгородской земле. Город с непростой судьбой, и из-за своего расположения на окраине, часто подвергался нападению тверских князей, оказывался в центре противостояния Тверского княжества и Новгородской республики в XIII-XV вв. Петра Дмитриевича всегда волновало различие между Тверью и Торжком в историческом и культурном плане.

Важных находок у Петра Дмитриевича очень много, но одна из самых значимых – берестяная грамота №17, найденная в раскопе на левобережье Торжка. Это уникальный документ, в котором содержится почти полный текст «Слова о премудрости» Кирилла Туровского, церковного писателя XII века.

*Из воспоминаний старшего преподавателя кафедры всеобщей истории ТвГУ
А.В. Лагуткина.*

Я бы выделил несколько направлений научных исследований,

которыми занимался Петр Дмитриевич. Думаю, для всех, кто его знал, очевидно, что в первую очередь – это история Торжка. Благодаря ему, Торжок, бывший до этого старинным, красивым, но, в целом, периферийным городом, стал одним из важнейших центров в изучении древнерусской археологии и истории в контексте Новгородской земли. Второе направление – это изучение средневекового города как такового, и не только Торжка, но и Твери, и других городов Тверской области. И наконец, изучение сообщений иностранных путешественников, которые посещали Московию в XV – XVII вв., и оставили письменные записки, содержащие много сведений о различных городах, в том числе и Тверской земли.

Я знаю, что он начинал работать как самостоятельный исследователь в начале 80-х гг. По сути, первые профессиональные археологические раскопки Торжка начаты именно им. В те годы он также работал в группе по составлению «Свода памятников археологии Калининской области». Я до сих пор поражаюсь объему той работы, которую сделали ученые, входившие в ее состав (Ю.Н. Урбан, В.М. Воробьев, Г.В. Харитонов, Е.В. Бодунов, А.Д. Максимов, А.П. Ланцев, П.Д. Малыгин, конечно, присоединившийся к группе в конце 70-х гг.). Они в буквальном смысле пешком обошли всю Калининскую область. Именно во время этих разведок было открыто большое количество памятников археологии от каменного века до средневековья.

Если говорить о личных качествах Петра Дмитриевича, то я бы отметил одну черту его характера, из-за которой у него были, я так скажу, не со всеми учеными ровные, спокойные отношения. Он был человеком убежденным и принципиальным. Не всегда это, наверное, было хорошо для пользы дела, но он всегда имел своё мнение и отстаивал свою точку зрения. Одна из проблем тверской археологии – возникновение г. Твери. У Петра Дмитриевича всегда было своё мнение по поводу этого исторического события, довольно отличное от того, что об этом писали другие ученые. Дискуссии, которые на этой почве проходили и которые я видел и слышал,

были всегда очень острые. Но он был верен своим убеждениям, которые у него ещё в 80-е гг. сложились, и продолжал их дополнять новыми аргументами.

Впервые как с археологом, я познакомился с Петром Дмитриевичем, будучи студентом, после 2 курса, летом 1992 г. на раскопе в Борисоглебском монастыре в Торжке, где он был одним из руководителей. Я увидел его с разных сторон, каждая из которых для меня, студента, выглядела очень привлекательно: умение быстро понимать и анализировать историческое прошлое (прямо здесь, в полевых условиях, на раскопе), обладание широким кругозором, дружеское общение в бытовых условиях (в том числе, и за столом). В это же время он уже преподавал на историческом факультете, вел по нашей специализации (кафедра истории древнего мира и средних веков) спецдисциплины, посвященные комплексному источниковедению древнерусского города, сообщениям иностранцев о России. А потом, когда я стал работать на кафедре истории древнего мира и средних веков (сейчас это кафедра всеобщей истории), он тоже там работал, и мы с ним стали коллегами. В 1999 г., когда в Торжке были начаты масштабные археологические раскопки на левобережье Тверцы, а Петр Дмитриевич был научным руководителем этих работ, я, в числе других археологов, довольно тесно общался с ними всё лето. Таким образом, у меня было несколько путей взаимодействия с ним: сначала как студент, потом как сотрудник полевой экспедиции, а затем как коллега по преподаванию на историческом факультете.

Я, честно говоря, не задумывался о его влиянии на меня, во всяком случае, я не осознаю это влияние непосредственно, может быть, скорее, через статьи и публикации Петра Дмитриевича. Мне всегда нравилась его способность выстраивать в тексте четкую логическую цепочку рассуждений. Потом, ведь на факультете были и другие преподаватели, чьи научные интересы были мне тогда ближе, а, стало быть, и степень их влияния была выше. В любом случае, я рад, что мне посчастливилось и работать, и

общаться с одним из выдающихся тверских археологов.

*Из воспоминаний доцента кафедры отечественной истории ТвГУ
Е.В. Лагуткиной.*

На факультете так сложилось, что студенты после окончания 1 курса распределялись для археологической практики на две группы: одна ехала в Торжок, другая – в Избрижье. С середины 90-х гг. избрижской практикой руководила я. Были ситуации, когда Петр Дмитриевич говорил мне: «Елена Викторовна, вы выбираете самых лучших студентов, а мне оставляете народ на перевоспитание», а я отвечала: «Петр Дмитриевич, Торжок может перевоспитать кого угодно. В городе, всё-таки, проводить практику легче, даже в плане бытового сопровождения». Он отвечал: «Да, но мне нужны парни рукастые и головастые, чтобы они могли видеть ценные находки и материалы в культурном слое». Поэтому мы с ним боролись за хороших студентов для своей практики, просто как два льва, начиная чуть ли не с первого занятия на первом курсе. Переманивали к себе так называемых «гвардейцев» (так мы их называли), ребят, которые составляли основу практик в Тверском госуниверситете: Торжокскую и выездную (Избрижскую).

Петр Дмитриевич терпеть не мог заниматься бумагами. Все приказы, документы по технике безопасности, какие-то оформления отчетов – тут он кланялся в ноги и просил: «Елена Викторовна, сделайте, пожалуйста, я этим заниматься не могу». Зато, что касается походов в администрацию, чтобы выделили нам больше средств на практику – этим занимался он. Мы его называли человек-плакат, потому что он мог говорить грозно и громко и мог доказать, что угодно и кому угодно, даже тому, кто изначально не был с ним согласен.

*Из воспоминаний профессора кафедры всеобщей истории ТвГУ
И.Г. Воробьёвой*

Петр Дмитриевич Малыгин – выпускник исторического факультета, он его закончил в 1980 году, начал ездить в археологические экспедиции с

Вячеславом Михайловичем Воробьёвым и стал сотрудником научного сектора «Свод археологических памятников». Позднее, когда «Свод» завершил работу и был подготовлен материал, П.Д. Малыгин сконцентрировал своё внимание на раскопках Торжка. В Торжке, при содействии академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, был открыт Всероссийский историко-этнографический музей (ВИЭМ), и П.Д. Малыгин как уроженец Торжка принял активное участие в организации этого музея. Многие сотрудники исторического факультета были привлечены, и я вместе с Петром Дмитриевичем несколько лет проводила практику со студентами на территории Борисоглебского монастыря г. Торжка, где первоначально располагался центр ВИЭМ. Сейчас это действующий монастырь.

П.Д. Малыгин защитил кандидатскую диссертацию по истории Торжка, потом много лет был преподавателем исторического факультета, читал лекции по исторической географии, истории Тверского края. Петр Дмитриевич скончался в том же году, что и Вячеслав Михайлович, но несколько раньше [февраль и ноябрь 2022 г.]. И как человек, многое сделавший для изучения археологии и истории родного города, в июне этого года получил статус почётного гражданина города Торжка.

Петр Дмитриевич Малыгин

Мамедова Н., Павлов А.,

Хасполодов Р., Шатихина Ю.

(1 курс бакалавриата)

Исторический факультет ТвГУ

**Фирая Хабибулловна Арсланова: биография, научная деятельность,
воспоминания учеников**

Ключевые слова: археология Казахстана, археология Тверского Поволжья, древнерусская культура, курганы, экспедиция, Избрижье, Музей археологии, Тверской государственный университет.

Каждый человек оставляет свой след в истории. Каждый археолог делает за свою научную жизнь множество открытий, но только самые талантливые ученые, подвижники, учителя и наставники, несмотря на все трудности этой профессии, могут оставить богатое творческое наследие. Таким удивительным человеком была Фирая Хабибулловна Арсланова.

Фирая Хабибулловна Арсланова родилась в г. Темир Казахской ССР в 1934 г. В 1952 г. закончила среднюю школу в г. Актюбинске, поступила на исторический факультет Казахского государственного университета в г. Алма-Ата. С 1956 г. работала научным сотрудником в экспедициях Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, в ходе которых изучала археологические памятники степного средневековья. В 1964 г. защитила кандидатскую диссертацию.

Фирая Хабибулловна специалист в области археологии кимаков, именно поэтому значительная большая часть её научных работ посвящена археологии Казахстана. С 1965 по 1973 гг. Фирая Хабибулловна возглавляла археологическую экспедицию Усть-Каменогорского пединститута. Были проведены масштабные раскопки погребальных памятников кимаков-кипчаков Восточного Казахстана. Богатейшая коллекция, собранная в результате данных исследований, составила основу экспозиции отдела археологии Государственного Исторического музея г. Алма-Аты и краеведческого музея г. Усть-Каменогорска.

В 1974 году Ф.Х.Арсланова приехала в г. Калинин (Тверь), где на кафедре истории СССР исторического факультета Тверского госуниверситета начался новый этап ее творческой деятельности. Фирая Хабибулловна преподает курс «Основы археологии», руководит археологической учебной практикой, разрабатывает спецкурсы по славянской и финно-угорской археологии, истории древнерусской деревни.

Получили научную известность и значимость раскопки Избрижского могильника в Калининском районе Тверской области, которые проводила экспедиция Тверского госуниверситета под руководством Ф.Х.Арслановой с 1975 по 1992 гг.

Фирая Хабибулловна проявила себя как прекрасный организатор, талантливый начальник экспедиции, археолог-полевик, наставник, педагог. Уровень полевой методики, дисциплинированность, отточенность научных приемов, тщательность организации работы сделали археологическую практику ТвГУ при Ф.Х.Арслановой самым лучшим образцом научных археологических экспедиций на многие поколения.

В науке и жизни Фирая Хабибулловна придерживалась тех позиций, в правоте которых была убеждена сама. В основании этой убежденности всегда была незаметная посторонним большая черновая работа. Коллег поражала широта ее интересов в науке. В научной деятельности Фираи Хабибулловны удивительным образом соединялось изучение двух средневековых культур – кочевнической и славянской. Активно работая над изучением древнерусских погребальных памятников, Фирая Хабибулловна продолжает публиковать материалы и исследования по археологии Казахстана, а также работы, посвященные истории древнерусской деревни. Эти два направления объединились интересом прежде всего к этнической истории, методикой исследования, а также кропотливым, тщательным анализом источников.

В последние годы жизни все ее силы были направлены на создание Кабинета археологии и Музея археологии на историческом факультете

Тверского госуниверситета. Большой фонд специальной литературы, собранный Ф.Х.Арслановой, давал необходимую основу для качественной подготовки студентов по различным направлениям археологической деятельности. Кабинет археологии был создан в 1994 году, Археологический Музей ТвГУ открыт зимой 1995 г., а 25 марта 1995 года Ф.Х. Арслановой не стало. Археологический музей университета назван ее именем.

Результаты деятельности Ф.Х. Арслановой в Тверском госуниверситете являются серьезным научным вкладом в археологию, вплоть до настоящего времени оказывающим влияние на развитие ее отдельных направлений (изучение погребальных средневековых памятников, археологии Верхневолжья, этнической истории, вещеведения). Но важен и «человеческий» вклад ученого и педагога: многие ее ученики продолжают на историческом факультете дело, которому Фирая Хабибулловна посвятила всю свою жизнь.

В 2019 г. слушателями и участниками Тверской молодежной археологической школы «ПОЛЕ: второй сезон», посвященной памяти Фираи Хабибулловны Арслановой, был начат сбор и публикация воспоминаний учеников, коллег и участников археологических экспедиций, которые ее близко знали. Данный проект является продолжением этой работы.

Из воспоминаний доцента кафедры отечественной истории ТвГУ

Лагуткиной Елены Викторовны

Е. В. Лагуткина вспоминает, что вначале, ещё будучи студенткой, она относилась к археологии с осторожностью, это было вызвано тем, что Фирая Хабибулловна выглядела поначалу «неприступной, суровой, очень громкой, властной и при этом очень загадочной и непонятной». К занятиям Фираи Хабибулловны все тщательно готовились, она была требовательным преподавателем. На ее лекциях и семинарах на первокурсников обрушивался большой поток новой информации, множество терминов, подкрепленных восточным колоритом. На студентов всё это действовало впечатляюще.

Фи́ряя Хабибу́ловна люби́ла обра́щаться к студентам во время учебного процесса, задавать вопросы. Все были сосредоточены и поэтому тщательно готовились к занятиям.

Однако Е. В. Лагуткина отмечает, что Ф. Х. Арсланова была совершенно другой в личном общении, например, когда студент приходил на консультацию. Как говорит Елена Викторовна: «студент становится собратом и коллегой», так как Фи́ряя Хабибу́ловна, посвятив жизнь археологии, была заинтересована в предоставлении научной информации и методической помощи таким студентам.

С особым теплом Е.В. Лагуткина вспоминает, как Фи́ряя Хабибу́ловна назначала встречи со студентами у себя дома. Дома она была «очень душевным открытым человеком» - угощала, объясняла, давала много книг, рукописей и прочее.

Фи́ряя Хабибу́ловна старалась поддерживать интерес к изучаемой дисциплине, однако многим сокурсникам Е.В. Лагуткиной казалось, что археология совершенно не историческая наука. Между тем находились студенты с разных курсов, которым работа археолога казалась «романтической и дающей дружескую атмосферу и погружение в профессию» и у многих появлялся интерес к разным аспектам археологической науки.

Фи́ряя Хабибу́ловна старалась придавать некую гласность всем проводимым мероприятиям, хотя это не было обязательным, всё это делалось скорее для связи между преподавателем и студентами, «она заглядывала в будущее и стремилась быть на самом высоком уровне». У нее были широкие научные и дружеские связи среди советских археологов, и Фи́ряя Хабибу́ловна многое заимствовала у своих коллег – она была очень восприимчива к новым методам в преподавании и науке.

Ее всегда заботили интересы дела, археология стояла для нее на первом месте: например, если студент хорошо рисовал, но плохо отвечал на экзамене (такое бывало), то Фи́ряя Хабибу́ловна могла быть снисходительной к нему, так как понимала, что своим умением он может внести большой вклад в

археологическую работу университета (рисовать археологические находки, быть чертежником на раскопе). Однако, Фирая Хабибулловна была требовательна к студентам, которые претендовали на высокую оценку. «Она была очень человечной, при всей своей требовательности, жесткости и непредсказуемости». Если Фирая Хабибулловна видела, что студент совсем бедно живет, она могла принести ему что-нибудь из еды, после экспедиции оставшуюся провизию также раздавала студентам, могла купить лекарства и лично позаботиться о том, чтобы устроить проживание студента в общежитии.

Что касается последователей Фираи Хабибулловны, то их единицы (в археологии их вообще много не бывает), в отличие от дипломированных выпускников – их сотни. Из специалистов историков и археологов, учеников и последователей Фираи Хабибулловны, назовем Елену Викторовну Лагуткину и Юлию Владимировну Степанову. Такое количество вызвано тем, что принять археологическую жизнь может не каждый – она меняет всё. Важным фактором на этом пути является поддержка близких, их понимание и включенность в научный и производственный процесс. Археология – это как семейное направление, которое определяет стиль жизни всей семьи.

На протяжении всего интервью ощущалось тепло от рассказов и воспоминаний и, на самом деле, можно уловить особую близость между Ф.Х. Арслановой и Е.В. Лагуткиной, как в образовательном процессе, так и в отношении к студентам в аудитории и в «поле».

Список использованной литературы

1. Памяти Фираи Хабибулловны Арслановой // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.1. Тверь, 1996. С. 274-275.
2. Тверская молодежная археологическая школа «ПОЛЕ: второй сезон». Материалы исследовательских проектов. Тверь, 2019.

3. Лагуткина Е.В., Мойкина Е.Г. Наследие А.А. Чарикова и Ф.Х. Арслановой в Тверском музее и Тверском государственном университете // Археология Казахстана в годы Независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Т.І. Алматы, 2011. С.100-110.

Фирая Хабибулловна Арсланова